

РУБИ ДИКСОН

18+

ВАРВАР- ПРИШЕЛЕН

Международный феномен романтической фантастики

Ромэнтэзи

Руби Диксон

Варвар-пришелец

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Диксон Р.

Варвар-пришелец / Р. Диксон — «Издательство АСТ»,
2015 — (Ромэнтези)

ISBN 978-5-17-146641-1

Двенадцать девушек оказались на зимней чужой планете. И одна из них я... Чтобы выжить, мы должны впустить в себя паразита, который перестроит наши тела, чтобы жить в этом жестоком месте и найти свою пару... Мой паразит выбрал мне партнера – самый угрюмый инопланетянин. Сломанный рог, шрамы и желание иметь потомство... Смогу ли я его полюбить?

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-146641-1

© Диксон Р., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Лиз	6
Раахош	13
Лиз	16
Раахош	19
Лиз	22
Глава 2	26
Раахош	26
Лиз	29
Раахош	33
Лиз	37
Раахош	38
Лиз	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Руби Диксон

Варвар-пришелец

Ruby Dixon

Barbarian Alien

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

BAROR INTERNATIONAL, INC. и Nova Littera SIA

Иллюстрация на обложке *Нины Перченко* werlioka_art

Copyright © Ruby Dixon, 2015

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Перченко Н., иллюстрация на обложке

© Павлушкина Юлия, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Читателям, открывающим для себя эту вселенную, и читателям,
рассказывающим друзьям о вселенной синих пришельцев уже более
пяти лет.*

Спасибо вам!

Глава 1

Лиз

Мы с Кирой наблюдаем, как Меган и Джорджи ощупывают панель корпуса инопланетного корабля, пытаясь разобраться, как ее открыть. За этой панелью шесть похищенных девушек, заключенных в капсулы, и ни одна из них понятия не имеет, где она и как сюда попала.

– Даже не знаю, повезло им или нет, – говорю я Кире.

– Повезло, – отвечает она мягким голосом. Ее взгляд прикован к мигающим огонькам на темной стене. – Они понятия не имеют, через что мы прошли за последние несколько недель.

Я согласно хмыкаю. Не уверена, права ли Кира. Временами она может быть настоящей занудой. Последние несколько недель точно не были похожи на праздник, но, возможно, лучше знать правду вместо того, чтобы пребывать в неведении.

Я так считаю.

Мы с Кирой наблюдаем за работой остальных, потому что слишком слабы, чтобы хоть чем-то помочь. Из нас шестерых Джорджи самая сильная. Она была с парнем-пришельцем, который кормил ее трижды в день и тепло одевал. Остальные застряли на корабле, и теперь из нашей небольшой группы только Меган делает все возможное. Я слабая и вялая, и у меня чертовски болят пальцы на ногах. У Джози, кажется, перелом ноги в двух местах, и никто не знает, чем ей помочь. Лодыжка Киры распухла, да и сама Кира очень слаба. Тиффани, возможно, умирает, так как мы не можем пробудить ее от глубокого сна, в который она впала. Она ненадолго пришла в себя, чтобы выпить бульона, а затем снова потеряла сознание.

Нам не нужны предостережения пришельцев, чтобы понять, что эта планета нас убивает. Это и так очевидно.

– Она открывается, – объявляет Меган и вместе с Джорджи отступает назад. Панель с шипением отделяется от стены, совсем как в научно-фантастических фильмах. Внутри – девушка в футболке и трусиках. Ее тело обвито странными кольцами, которые проникают в ее горло.

Я невольно вздрагиваю.

Джорджи и Меган изучают спящую девушку, пытаясь понять, как ее освободить. В конечном счете, они просто срывают с нее трубки и шнуры, от чего девушка просыпается и начинает захлебываться. Мгновение спустя новенькая падает на пол, и пока ее тошнит остатками трубок, Меган ласково гладит ее по спине.

Что ж, это сработало. К лучшему или к худшему, но с нами еще один человек.

Новенькая начинает всхлипывать. Ее глаза широко распахнуты, она явно напугана и пребывает в замешательстве. Кира встает, разводя руки, чтобы заключить девушку в объятия. Она тихо и успокаивающе говорит, обнимая новенькую, и помогает ей подняться. Внезапно начинают открываться остальные капсулы.

– Черт, кажется, мы запустили цепную реакцию, – говорит Джорджи, и они с Меган приступают к освобождению остальных. Через несколько мгновений несколько девушек падают на пол. Я с трудом поднимаюсь на ноги в решимости прийти на помощь.

Пока я ковыляю, до меня доносятся голоса пришельцев. Я оглядываюсь, и в этот момент девушка рядом со мной начинает истерично вопить.

– Что происходит? Где я? Кто вы такие?

Я протягиваю ей руку.

– Я Лиз, и все объясню, как только мы вытащим остальных, хорошо?

Она продолжает причитать, и мне приходится закусить губу, чтобы не накричать на нее. *«Слушай, я чувствую себя дерьмово и, вероятно, как и Тиффани, нахожусь на грани смерти. Но я не визжу и не ною. Я, черт побери, держу свой рот на замке».* Я помогаю новенькой с веснушками и ярко-рыжими волосами подняться, и как только это делаю, она издает испуганный, сдавленный крик.

– О, Господи, что это такое? – дрожащей рукой она указывает вдаль.

– Невежливо показывать пальцем, – я одергиваю ее, но остальные девушки в ужасе судорожно хватают ртом воздух при виде пришельцев на другом конце корабля. Одна начинает плакать, а другая вцепляется в мою шею так, будто собирается взобраться на меня в поисках безопасного места. От этого мои сломанные пальцы пронзает невыносимая боль, и я оглядываюсь на Джорджи. – Хьюстон, у нас проблема, – заявляю я. – Сделай что-нибудь, наш бесстрашный лидер.

– Хорошо, – отвечает она и спешит в сторону пришельцев. Мгновение спустя они покидают корабль через расщелину в корпусе, и внутри остаемся только мы – человеческие девушки.

– Давайте присядем, – говорит Кира успокаивающим голосом. – У нас есть огонь, вода и одеяла.

– Здесь холодно, – жалуется одна из девушек. – Я замерзла, и на мне нет штанов! Где мои штаны?

– Это все потому, что пришельцы забрали тебя, пока ты спала, – бодро объясняю я. – Ни на ком из нас нет чертовых штанов.

Кира шлепает меня по руке, намекая, что мне следует замолчать. Ладно, возможно, терпение не самая сильная черта моего характера. Можете за это меня осудить.

– Одеяла вон там, – призывно говорю я, будто собирая разбежавшихся бродячих кошек, издающих вопли. Наконец нам удастся усадить всех вокруг костра и укрыть одеялами, которые предоставили пришельцы.

– Мне все еще холодно, – жалуется одна, стуча зубами и кутаясь в одеяло.

Я смотрю на нее, пытаюсь не осуждать. Неделью назад у нас не было даже этого. Одеяла, костер, еда? Это гребаная роскошь. Но опять-таки, эти девушки находились в капсулах и ничего не знают.

– Что дальше? – спрашивает Кира. Почему она смотрит именно на меня? Лидер не я, а Джорджи. Однако сейчас Джорджи пытается убедить инопланетян с их страшными физиономиями отойти подальше от нас, так что, видимо, я... словно Робин для Бэтмена? Похоже на то.

В общем, я беру ситуацию в свои руки.

– Ладно, детишки, садимся в круг. Мы сыграем в одну игру, как на корпоративных встречах. Среди вас есть офисные работники? – Когда две шмыгающие носом девушки поднимают руки, я киваю. Неплохо для начала. – Тогда вы знаете, как это работает. Мы идем по кругу, называя имя, возраст и чем зарабатываем на жизнь. Затем три интересных факта о себе. Это поможет нам лучше узнать друг друга.

– Где мы? – плачет одна из них.

– Мы дойдем до этого, – обещаю я. – Скоро. А теперь начали, ты первая, – я поворачиваюсь к веснушчатой рыжеволосой девушке, сидящей рядом. Она справляется с этой странной ситуацией лучше остальных. Конечно, она смотрит на меня, как на сумасшедшую, но это нормально.

И я почти уверена, что немного спятила. Черт возьми, я пытаюсь провести игру-знакомство на разбившемся космическом корабле.

Но девушка рядом со мной шмыгает носом и трет лицо, решив сохранять спокойствие.

– М-меня зовут Харлоу, мне двадцать два, и я собираюсь поступать в колледж на ветеринара. – Она моргает, выглядя потерянной и несчастной.

– Теперь факт о себе.

– Я... ненавижу моллюсков?

Сойдет для начала. Я указываю на следующую девушку.

Она – плакса. Все время хнычет и рыдает, у нее течет из носа. Сквозь поток слез мы узнаем, что ее зовут Ариана, она родилась в Джерси, и ей страшно. Рядом с ней Клэр, у которой большие карие глаза, и она тоже выглядит напуганной. Ее голос очень тихий, но я не заставляю ее говорить громче. Потом мы знакомимся с Норой, которая выглядит свирепой и взбешенной. Марлен, с отсутствующим выражением лица и сильным французским акцентом, и Стейси, которая изо всех сил старается не плакать, но у нее не выходит. Я мысленно выказываю ей свое уважение. Как только все представились, становится очевидно, что мы все одного возраста.

Очередь доходит до меня. Я кладу руку на грудь.

– Я Лиз Крамер, мне двадцать два. Работала специалистом по вводу данных в небольшом офисе по маркировке изделий. Выросла в Оклахоме. Нравится охотиться и стрелять из лука. Три недели назад меня похитили инопланетяне.

Все ахают. Ариана всхлипывает сильнее.

– Преподнеси им это помягче, – шепчет Кира.

Я игнорирую ее просьбу. Это все равно, что сорвать пластырь. Лучше сказать обо всем прямо и дать им это осмыслить.

– Устраивайтесь поудобнее, дети, потому что сейчас вы услышите самую дерьмовую историю у костра.

И я начинаю свое повествование.

Рассказываю им о том, как три недели назад ночью меня похитили маленькие зеленые человечки. Очнувшись, я обнаружила себя в темном, грязном отсеке корабля с кучей других девушек, одетых только в пижамы. Я узнала, что нас собираются продать на какой-то межпланетной торговой станции, как скот. Пришельцы содержали шесть девушек в каких-то капсулах сна, а я и мои новые лучшие подруги в отсеке были лишь «дополнительным грузом».

Судя по вздохам, я понимаю, что они начинают все осознавать. Все верно, они были главным грузом, а я, Кира и другие бодрствующие? Ну...

– Вам знакома ситуация, когда вы идете в магазин за пивом, видите чипсы по акции и берете их? Зовите меня просто Принглз.

Никто не смеется над моей шуткой. И это нормально. Но я все равно нахожу ее забавной. Нужно же хоть к чему-то подходить с юмором.

– Как бы там ни было, похоже, что наших общих знакомых одолела жадность, и они похитили столько человеческих женщин, сколько смогли втиснуть в свой космический корабль. Изначально нас было девять.

Глаза девушек расширяются. Ариана снова начинает рыдать. Жаль, что на мне нет носков, иначе я бы ими заткнула ее рот.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Нора, в ее голосе звучит обвинение.

– Знаю что?

– Что они собирались продать тебя? Может быть, они везли тебя в какое-нибудь хорошее место?

Верно, а я Каспер – гребанный дружелюбный призрак. Я указываю на Киру, которая сердито смотрит на меня.

– Это Кира. Она единственная, у кого есть переводчик. Ей «повезло» быть похищенной первой, поэтому они вживили ей в ухо какое-то устройство, и теперь она может понимать все, что говорят пришельцы. Так мы узнали, что происходит. Что нас собираются продать, а не везут на планету Малибу, где мы будем потягивать «Маргариту» и волноваться о загаре.

– Лиз, – тихо говорит Кира.

Нора вздрагивает.

Знаю, что я далеко не душка. Знаю, но меня это не заботит.

– Дело вот в чем. Пришельцы похитили нас из наших домов и поместили как скот. – Я указываю на шишку на моей руке, где спрятан маленький металлический предмет, который, как я подозреваю, передает пришельцам наше местоположение. – Они собирались отвезти нас на мясной рынок и продать, как импортных свиней, тому, кто больше заплатит. И хотя некоторые мужики трахают свиней...

– Это отвратительно, – бормочет кто-то.

– ...Большинство их просто ест, – заканчиваю я. – Так что вы уж меня извините за то, что я не даю нашим похитителям никаких поблажек. Маленькие зеленые человечки не были с нами любезны. У них были охранники, которые изнасиловали нескольких девушек, пока мы находились в плену. Они держали нас в клетке, заставляли справлять нужду в ведро, обращались с нами бесчеловечно. Вам следует это знать, чтобы вы могли понять, почему мы вонючие, уставшие, голодные и больные. Хорошо?

Девушки кивают. Ариана снова плачет.

– Кто-то собирается нас съесть?

– Уже нет, – успокаивает Кира. Следовало дать слово ей. Она – добрая душа. Но Кира смотрит на меня, и я продолжаю.

– Те пришельцы улетели. На время. – Я вкратце рассказываю про наше восстание и как Джорджи убила одного из охранников, когда грузовой отсек корабля был сброшен на эту планету. Теперь мы – жители Не-Хота, так мы называли это место, когда попали сюда. Здесь чертовски холодно, снежно и совершенно негостеприимно.

Наша посадка была тяжелой. Никто не остался невредимым – две девочки погибли, три пальца на моей ноге сломаны, из-за чего я не могу сделать и нескольких шагов. Но, по крайней мере, я осталась жива.

– Как только мы оценили наши потери, Джорджи – самая храбрая и наименее пострадавшая – отправилась в единственной теплой одежде, которая у нас была, на поиски помощи. Остальным пришлось остаться здесь и мерзнуть. Я уже упоминала, что на нас были только пижамы? Не очень подходящая одежда для пребывания на холоде.

Девушка рядом со мной – Харлоу – выглядит пристыженной и предлагает мне свое одеяло. Я качаю головой. Я слишком устала, чтобы беспокоиться об этом. Да и, как ни странно, я уже привыкла морозить задницу. Для нее это в новинку, так что она может оставить одеяло себе.

На протяжении последней недели я жалась к куче грязных, несчастных, раненых девушек, чтобы согреться. Это была неделя игнорирования запахов, ужаса, когда снаружи полуразрушенного корабля раздавались звуки, и размышлений о том, что будет дальше. Наши волосы спутались, мы провоняли, а наше ведро с дерьмом переполнилось. Но у нас не было обуви и одежды, поэтому мы не могли выйти на улицу и помыться. А поскольку снаружи непрерывно мела метель, мы оказались в ловушке. Тем временем наши запасы еды и воды истощались. Я не хочу предаваться воспоминаниям об этом.

Каждую ночь, засыпая, я гадала, проснусь ли завтра.

– Джорджи ушла за помощью, – подсказывает Кира, когда я надолго замолкаю.

Я киваю, возвращаясь к рассказу.

– Джорджи вернулась через несколько дней с большим рогатым синим неуклюжим варваром с сияющими голубыми глазами. Это был Вектал, один из местных.

Я пропускаю ту часть, где Джорджи явно переспала с Векталом. Этот невероятный Халк пришел с едой и одеялами, и до тех пор, пока он заботился о нас, мне было все равно, ублажала она его или нет.

– Джорджи с Векталом оставили нам припасы и отправились за подкреплением, – объясняю я. – За теми парнями снаружи, которые похожи на демонов.

Несколько девушек оживились.

– Значит, они хорошие?

– Хорошие при определенных условиях.

Интересно, как много им следует знать?

Потому что наша история чертовски мрачна, и у нас не так уж много вариантов.

Не-Хот оказалась не очень гостеприимной планетой. Помимо того, что она чертовски холодная и полна монстров, которые хотят нами отужинать, на ней имеется какой-то ядовитый газ, который медленно нас убивает. Его последствия очевидны. Тиффани лежит в коме, а я так истощена, что едва могу поднять голову. Я чувствую его действие на себе и подавляю желание лечь и уснуть. Ведь дальше будет только хуже. Этот газ убьет нас, потому что нам здесь не место.

Но есть вариант, как этого избежать.

«Лекарство» от смертного приговора на этой планете – симбионт, которого местные называют *кхуйи*, а мы, люди, прозвали «паразитом».

И чтобы выжить, мы должны... заразиться. Признаю, что была чрезмерно увлечена выживанием на этой планете. И если стакан Киры всегда наполовину пуст, то мой наполовину полон. Но даже я чертовски волнуюсь при мысли о том, что во мне поселится какое-то существо.

Паразит, судя по всему, действительно может стать решением наших проблем, за исключением того, о чем сообщила нам Джорджи.

Паразит заинтересован в размножении своего вида и поэтому, когда видит двух особей противоположного пола, то считает, что они должны стать парой и вместе создать идеального ребенка. Происходит нечто, что называется «резонанс». Паразит вибрирует в твоей груди всякий раз, когда ты находишься рядом со своей новоиспеченной «половинкой», и это не прекратится до тех пор, пока не произойдет зачатие ребенка. Что до Вектала и других семифутовых синих рогатых пришельцев? У них в племени всего четыре самки.

Если мы останемся, то получим нечто большее, чем просто спасение. У нас появятся мужья. На Джорджи уже заявил права Вектал, и, насколько я могу судить, она этим очень довольна. Они глаз друг от друга оторвать не могут.

Вместе с паразитом мы получим мужчину, которого нам навяжут. Не уверена, что положительно к этому отношусь, поэтому и говорю, что парни «хорошие при определенных условиях». Они хорошие потому, что ищут, кому бы посадить своего малыша.

– Они милые, – повторяю я, натянуто улыбаясь. – И я очень устала.

Игнорируя обеспокоенный взгляд Киры, беру одеяла, которые мне снова предлагают, и сворачиваюсь калачиком.

– Что с ней происходит? – спрашивает кто-то. – Она ужасно выглядит.

«Я больная, а не глухая», – раздраженно думаю я. Все эти разговоры утомляют, и я позволяю Кире ответить.

– Она больна, – спокойно объясняет Кира. – Мы все заболеем, если не примем симбионта.

– Так вот почему она такая злая? – шепчет одна из них, кажется, Клэр.

Я злая? Я, возможно, нетерпеливая, определенно уставшая и больная. Я ничего не отвечаю, сильнее закутываясь в одеяла. Я больше не чувствую вони в отсеке. Я даже не чувствую холода. Я просто... устала. Очень устала.

– У нее был плохой день, – доносится голос Киры. – Дайте ей время.

Что верно, то верно. Я проживаю свой худший день. Мало того, что меня похитили инопланетяне, и я целую неделю прожила в вонючем, холодном, разбитом грузовом отсеке, одетая в короткую пижаму... Может ли у меня быть день хуже этого? Пожалуй, да.

Причина того, что день не задался, легка как на помине. Она, (а точнее, он) медленно подходит к меховым одеялам, под которыми я съезживаюсь, пытаюсь стать незаметной, и, игно-

рируя испуганные крики других девушек, откидывает меха и сует мне под нос чашку с чем-то горячим.

Он ничего не говорит, просто ждет.

– Исчезни, – раздраженно бурчу я, пытаясь натянуть одеяло обратно.

Пришелец не дает мне этого сделать, отбрасывая меха за пределы досягаемости. Затем снова сует чашку мне под нос. Очевидно, если я хочу вернуть одеяла, придется выпить адски дымящее варево, что он держит в руках.

Какой же он засранец.

Беру чашку, сверля его взглядом, затем пытаюсь предложить ее девушкам.

– Кто-нибудь хочет пить?

Он хватается за руку и направляет чашку обратно ко мне с тихим ворчанием, показывая, что напиток для меня и только для меня.

– Кто это? – шепчет одна из новеньких тоненьким испуганным голоском.

– Член команды спасения, – сухо отвечаю я. – Упрямый, придурковатый член. – Я подношу чашку к носу. Пахнет мясом и какими-то растениями. Запах, как от грязных носков. К тому же, в чашке есть что-то острое, от чего у меня слезятся глаза. – Не хочу это. – Я пытаюсь оттолкнуть посудину. За последнюю неделю голодания желудок так сжался, что меня тошнит при одной мысли о еде.

Большая рука пришельца пододвигает чашку обратно. На его страшной физиономии появляется хмурое выражение, и он нетерпеливо переминается с ноги на ногу. Очевидно, он никуда не денется, пока я не выпью.

Проклятье.

Я делаю глоток бульона и тут же начинаю кашлять. У пришельцев какие-то странные вкусовые рецепторы. Джорджи раздала нам дорожные пайки Вектала, и они были на вкус как перцовый баллончик. Этот бульон пахнет как чай из носка, а на вкус еще хуже. Я морщусь и отталкиваю чашку, но пришелец возвращает ее обратно.

– Интересно, если я пролью, заставишь ли ты меня слизывать с пола, – бормочу я себе под нос, делая еще один глоток. При втором глотке бульон уже не столь отвратителен... Хотя кого я обманываю? Он тошнотворен. Но я пью, потому что Высокий, Мрачный и Бесцеремонный не уйдет, пока я этого не сделаю. Требуется целая вечность, чтобы допить, и когда я вижу осадок на дне, меня начинает тошнить. Я с трудом проглатываю бульон и возвращаю чашку.

Пришелец заботливо укрывает одеялами, и когда наклоняется ближе, я задерживаю дыхание. В отсеке царит абсолютная тишина, и я чувствую, что все взгляды прикованы к нам. Он поправляет меха и, когда я бросаю на него взгляд, он произносит всего одно слово.

– Раахош.

Затем встает, сердито окидывает взглядом остальных за то, что они пялятся, и поспешно уходит.

– Что он сказал? – спрашивает одна из девушек.

– Это плохо поддается переводу, – говорит Кира, касаясь уха в том месте, где находится переводчик. – Что-то вроде «Злой, который рычит».

– Это его имя, – заявляю я, хотя могу только догадываться. «Рычащий ублюдок» ему подходит. Раахош постоянно маячит у меня перед глазами. Очнувшись от коматозного сна, я оказалась с ним лицом к лицу, когда он вливал воду в мое пересохшее горло. Он назначил себя моим личным спасителем и с тех пор заботился о том, чтобы я была накормлена, напоена и согрета.

Короче говоря, он ни на шаг от меня не отходит, и это выводит меня из себя.

В целом, я бы не возражала, если бы у меня появился парень и начал за мной ухаживать, тем более, когда я умираю с голоду. Но эти ухаживания не от доброты душевной. Капитан Очевидность искал себе пару и сделал ставку на меня.

Однако он не активировал странную вибрирующую штуку у себя в груди. Джорджи рассказывала, что у Вектала есть кхуйи – паразит, как мы его называем, и когда он находит себе пару, то издает мурчащие звуки и побуждает партнеров заниматься сексом. Вектал резонировал для Джорджи, однако кхуйи Раахоша молчит.

Это заставляет меня испытывать одновременно благодарность... и смущение. Если он не резонировал для меня, то зачем продолжает доставать? В этом ведь нет никакого смысла. Бестолковый пришелец. Я облизываю губы и морщусь, потому что на них остался вкус бульона.

– Он такой страшный, – говорит Клэр. – Они все так выглядят?

– Нет, Раахош страшнее большинства, – весело отвечаю я. Я рада, что он не понимает по-английски. Не знаю, что бы он сделал, если бы услышал, как я говорю о нем неприятные вещи.

Вектал довольно симпатичный. Он синий, и Джорджи говорит, что его кожа похожа на замшу. У него большие изогнутые рога, которые обвиваются вокруг головы, как у двухметрового барана. Он мускулистый, у него есть хвост и странные гребни на руках и лбу. Пришельцы племени Вектала в большинстве похожи друг на друга. Различия только в росте, окрасе и рогах. Обыкновенные синие инопланетные люди.

Раахош выделяется на фоне остальных. Во-первых, он самый высокий. Что не так уж и важно, учитывая, что все они выше двух метров, но он великан даже среди своих. Его плечи не такие широкие, как у Вектала, поэтому он, скорее, огромный, но не гигантский. И если Вектал сине-голубого оттенка, то Раахош серовато-синий, что делает его похожим на ослика Иа.

Шрамы только усугубляют первое впечатление. По одной стороне его широкого лица проходят глубокие борозды, свидетели когда-то проигранной схватки. Шрамы начинаются на лбу и тянутся вниз по шее, исчезая под одеждой. Вместо одного рога – зазубренный обрубок, а другой изгибается вверх, как напоминание о том, чего ему не достает. А добавьте сюда твердые губы, сжатые в неприязни, и прищуренные глаза, горящие странным синим светом, доставшимся, видимо, от симбионта.

Думаю, будет справедливо сказать, что Раахош страшнее остальных. Определенно.

Тот факт, что он застолбил меня как свою собственность... начинает раздражать. Да, я сказала Джорджи и остальным, что за чизбургер сделаю все, что угодно, но то, что пришелец претендует на меня, кажется... странным. У меня что, даже нет выбора? Словно я говорю: *«Хочу чизбургер»*, а кто-то кладет мне в руку соленый огурец и объявляет: *«Черта с два, тебе полагается соленый огурчик»*.

Задумываясь о фаллических предметах, я снова перевожу взгляд на Раахоша. Я незаметно наблюдаю за ним. Лежу с полуприкрытыми глазами и вижу, как он и еще один пришелец перемещаются по отсеку, упаковывая сумки и проверяя вещи. Джорджи и Вектала нигде не видно. Вижу, как Раахош наклоняется, а затем встает.

У него действительно длинный хвост. Интересно, является ли он показателем других его размеров.

Не то чтобы меня это волновало. Если нам все же придется принять этого паразита, возможно, он выберет кого-то другого, а не Раахоша. Любопытно, разозлило бы это мистера Напористого?

Я засыпаю, представляя выражение лица Раахоша, когда мой паразит его отвергнет.

Раахош

Мое кхуйи – тупица.

По-другому и быть не может, иначе почему оно игнорировало женщин моего племени, но как только мы вошли в логово грязных, оборванных людей, начало выть у меня в груди, как загнанный зверь? Почему выбрало самого слабого из больных людей в качестве пары?

Пары, которая смотрит на меня пронизательными сердитыми глазами и отказывается есть лечебный бульон из моих рук? Пары, которая отталкивает меня, когда я пытаюсь помочь ей подняться? Которая хмурится, когда я приношу ей воду?

Очевидно, мое кхуйи очень глупо.

– Ты нашел отклик в ком-нибудь? – спрашивает стоящий рядом Аехако. Он складывает меха в дорожную сумку. Мы упаковываем вещи людей, так как они слишком слабы, чтобы сделать это самостоятельно. Вектал говорит, чтобы мы взяли все, что сможем найти, даже если это выглядят грязным или бесполезным. У этих людей так мало вещей, и он уверен, они дорожат всем, что у них есть. Двое охотников, которые нашли отклик в человеческих женщинах, были отправлены за мехами из ближайших пещер, потому что люди не приспособлены к здешним суровым условиям, и у них нет кхуйи, чтобы согреться.

Это мы исправим в ближайшее время.

Са-кохцк неподалеку от нас. Крупные особи содержат много кхуйи. Мы будем охотиться на одного из них ради кхуйи и мяса, чтобы люди не умерли от болезни.

Я думаю о впавших глазах моей новой подруги, о том, какой несчастной она выглядит. Большинство человеческих тел бледного цвета, но мой человек бледнее остальных. Это означает, что ей становится хуже. Я буду настаивать, чтобы она приняла кхуйи одной из первых.

Аехако повторяет свой вопрос:

– Раахош? Ты испытал резонанс?

Я не люблю обманывать, но не хочу никому рассказывать. Не тогда, когда моя пара смотрит на меня взбешенно, словно говоря: *«Раахош страшнее остальных»*.

Это больно. Она гладкая, бледная и слабая, но ведет себя так, будто это со мной что-то не то. Я пожимаю плечами и взваливаю рюкзак на спину.

– Это неважно. Посмотрим, что произойдет, когда люди получают кхуйи.

– Я не испытал резонанс. – Аехако выглядит мрачным и подавленным. – Как думаешь, они начнут резонировать, когда вступят в брачный сезон? Возможно, сейчас не время? – Он бросает на меня полный надежды взгляд.

– Я выгляжу так, будто знаю человеческие времена года? – огрызаюсь я. – Заканчивай собирать вещи. Нам нужно поторопиться, если хотим подобраться достаточно близко к са-кохцку, чтобы убить его.

Аехако вздыхает и возвращается к работе. Я говорю себе, что он еще молод. На самом деле, он самый молодой охотник в племени. Он справится со своим разочарованием или найдет отклик в человеческой женщине, или даже в женщине са-кхуйи, которая еще не родилась.

Все, что я знаю – это то, что испытал резонанс с одной из умирающих человеческих женщин, и если она умрет, то заберет с собой все мои надежды и мечты.

У меня никогда не было ни пары, ни любовницы. Женщин в нашем племени мало, а женщин, которые хотят спариться с угрюмым охотником со шрамами, еще меньше. Я и мечтать не мог, что у меня будет вторая половинка.

И теперь, когда я ее нашел... Я не знаю, как себя вести. Поэтому я молчу, и мне требуются все силы, чтобы заставить мое кхуйи молчать, когда люди начинают готовиться к долгому путешествию в наши племенные пещеры. Охотники вернулись со шкурами, одну из них разрезали, чтобы смастерить людям обувь. Пока женщины укутываются в свои ветхие одежды,

партнерша Вектала с непроизносимым именем – Шорши – помогает им завернуться в теплые меховые накидки.

Некоторые из людей не готовятся к отходу. Одна, со смуглой кожей и волосами, похожими на пучок сладкой травы, лежит без сознания укрытая мехами. Вектал говорит, что она тяжело больна. У другой сломана конечность, и она изо всех сил опирается на Пашова, чтобы встать.

Третья – моя человеческая женщина – игнорирует происходящее и настойчиво закутывается в одеяла.

Она упряма. Мое кхуйи сделало правильный выбор – я тоже упрям. Вместе мы сделаем кучу упрямых детей. При мысли о человеке, прижимающем к груди моего ребенка, обида покидает мое сердце. Возможно, после стольких лет у меня наконец-то будет семья.

– Все готовы, – говорит Вектал, направляясь к Шорши. – Скоро выдвигаемся.

– А что насчет тех, кто не может ходить? – спрашивает Золая. – Или той, которую невозможно разбудить?

– Мы их понесем. Мы никого не бросим.

Шорши одаривает Вектала улыбкой преисполненной любви и нежно обнимает:

– *Ты так добр к нам. Не знаю, как тебя отблагодарить.*

Он касается ее щеки.

– *Ты со мной. Это единственное, что имеет значение.*

Я притворяюсь, что не вижу, как она игриво покусывает его большой палец. Проявлять чувства на публике не воспрещается, но мне тяжело смотреть на это, зная, что моя вторая половинка сидит больная в углу и хмуро смотрит на меня. Она явно не в восторге от мысли о партнерстве со мной.

Она не рада видеть меня партнером. Она находит меня отвратительным.

«Раахош страшнее остальных».

Я сердито хватаю одну из меховых шкур и направляюсь к ней. Не имеет значения, нравлюсь я ей или нет, это выбор кхуйи, и ей придется смириться.

– Просыпайся, – командую я, подходя к ней и откидывая одеяло. – Ты...

Ее голова наклоняется, и она падает на пол. По крайней мере, она не умышленно пренебрегает моим вниманием, она без сознания. Ужас пронзает мое сердце. Я прижимаю ее к груди, укачивая и согревая. Ее кожа такая холодная. Почему она не может удерживать тепло? Как тогда она выживет? На мгновение меня охватывает паника. Должно быть, так чувствует себя Вектал, когда смотрит на Шорши – беспомощность перед лицом хрупкости. Я прижимаю человеческую женщину к себе и похлопываю ее по щеке.

Мгновение спустя она открывает глаза и дергается при виде меня.

– Капитан Очевидность. Я должна была догадаться.

Я игнорирую уязвленную гордость. Понятие не имею, кто такой «Капитан Очевидность». Множество человеческих слов не имеют смысла. В пещере старейшин мы получили дар знания их языка, но очевидно, кое-что осталось непонятным. Порой, когда моя женщина говорит, я не могу ничего разобрать.

Хотя я отчетливо понимаю ее презрение ко мне.

Я подпираю ее собой и помогаю подняться. Она шипит от боли, пока встает, и падает обратно на меня, ударяясь своей хрупкой спиной о мою грудь. Кхуйи мгновенно пробуждается... так же, как и мой член.

Я закрываю глаза и концентрируюсь, желая сохранить спокойствие. Сейчас не время.

Человек отбивается от меня, отталкивая мои руки.

– Прекрати меня лапать! Отпусти!

Отпустить? Да она даже стоять не может. Я игнорирую ее шлепки и провожу рукой по голым ногам в поисках ран. Она отбивается, но я успеваю заметить, что три из ее многочис-

ленных пальцев на ногах распухли и посинели. Они, скорее всего, сломаны, и у нее нет кхуйи, чтобы исцелиться.

И она еще думает отвергать мою помощь? Что за глупость. Я беру ее на руки, не обращая внимания на протесты. Если понадобится, я сам отнесу ее к месту охоты на са-кохцка, но она туда доберется. Мне невыносима даже мысль об обратном.

– Эй! Отпусти меня, ты, болван-переросток, – кричит она мне в ухо. По крайней мере, ее легкие не пострадали. Я игнорирую пронзительные крики и удостоверяюсь, что она завернута в одеяло.

– Раахош, – доносится предостерегающий голос.

Я оглядываюсь как раз в тот момент, когда она ударяет меня в челюсть в знак протеста, и вижу, как мой друг и вождь приближается.

– Ты не можешь таскать ее повсюду, если она этого не хочет. За людьми нужно осторожно ухаживать. Они очень хрупкие, – объясняет он на нашем языке.

Мой «хрупкий» человек снова бьет меня в скулу.

– Поставь меня обратно, – орет человек. – А, съел? Придурок чертов!

«Съел»? Но я ничего не ем.

– Раахош, – предупреждает Вектал. – Ты слышал мой приказ.

Приказ гласит не делать ничего против воли человека. Я осторожно и нежно опускаю свою женщину на пол, сопротивляясь желанию прижать ее к груди и погладить.

– Она ранена, – хрипло отвечаю я ему. – Я лишь хотел помочь.

– Для этого еще будет время, – добродушно говорит он и хлопает меня по руке. Конечно, он в хорошем настроении, у него есть половинка. Моя же смотрит на меня так, словно хочет вонзить нож в спину. – Пусть идет сама, если хочет.

– Отлично, – рычу я. Убеждаюсь, что она тепло укутана, и предлагаю накидки для ног. Это наименьшее, что я могу сделать. Притворяюсь, что не вижу, как она морщится и произносит злобные, непонятные слова, пытаюсь ослабить повязку на опухшей ноге. Это человеческое существо все изранено. На ее руке – свежий след от «датчика», как они его называют, он достался им от «плохих парней». Все, чего я хочу – чтобы она приняла кхуйи и смогла исцелиться. Сейчас я даже не думаю о спаривании. Только бы она поправилась. Мои руки дрожат, отчаянно желая успокоить ее и приласкать, но, когда она бросает на меня очередной взгляд, полный ненависти, я ухожу, чтобы присоединиться к охотникам.

Я не могу находиться рядом с ней, не испытывая желания прикоснуться.

Лиз

Мне хочется думать, что я не особо брезглива. Но на самом деле это не так. Мой отец был охотником, и я выросла, насаживая наживку на крючок и освеживая шкуры после охоты, чтобы поджарить добычу на костре. Я мастерски владею луком, неплохо отслеживаю дичь и легко могу разделать тушу.

Но са-кохцк – какой-то жуткий мутант.

Прошло несколько часов с тех пор, как мы навсегда покинули корабль. Хотела бы я сказать, что мне не жаль видеть, как эта вонючая нора исчезает вдаль, но я испытываю страх неизвестного. Эта планета покрыта льдом. Как Антарктида на стероидах, где солнце всходит и заходит. Снега так много, что мои укутанные шкурами ноги тонут в нем, как в зыбучих песках, и я не вижу ни привычных деревьев, ни какого-либо укрытия. Здесь так чертовски холодно, что покрасневшие пальцы ног испытывают боль, когда я делаю шаг. Я испытываю такую слабость, что едва могу поднять голову. Это даже не выживание. В какой-то момент я так сильно отстаю от остальных, что кто-то подхватывает меня и перебрасывает через плечо. Мне даже не нужно вглядываться в лицо сквозь падающий снег, чтобы понять, кто это.

Раахош.

Теперь мы с девочками сидим под хлипкими деревьями, которые содрогаются при каждом шаге са-кохцка. Его невозможно описать словами. Он похож на мохнатого мамонта, спаренного с бронтозавром и боевой машиной АТ-АТ из фильма «Звездные войны». Дитя их любви выглядит как комочек шерсти на тонких ножках, который визжит и стонет, когда охотники сбивают его с ног.

Пока мужчины собираются вокруг добычи, Вектал уже спешит к нам и гладит свою Джорджи.

– Ты в порядке?

Она тоже суетится вокруг него. О, Боже, меня сейчас стошнит. Я перевожу взгляд на раненое существо. Я скучаю по охоте. Не была на ней с тех пор, как умер отец, но вид этой твари, запах ее крови навевают воспоминания о времени, проведенном с отцом. Я скучаю по папе и по охоте.

Чувствую на себе напряженный взгляд светящихся глаз, наблюдающих за мной издалека. Раахош. Сильнее кутаюсь в меха и игнорирую его, ковыляя в сторону Джорджи и Вектала, чтобы узнать, что происходит.

Они увлечены поцелуем. Я наблюдаю, как Вектал целует Джорджи в лоб и говорит:

– Пришло время получить кхуйи. Собери женщин.

Что за сексист. Да, соберите всех маленьких слабых женщин, чтобы большие синие парни могли позаботиться о них. Я морщусь, когда слышу это, но ненавижу себя за то, что мыслю стереотипами. По правде говоря, я слишком устала, чтобы делать хоть что-то, кроме как плясать.

Джорджи выходит вперед, поддерживая Тиффани. Бедная Тифф. Она из Эль-Пасо и плохо переносит такую погоду. К тому же, я думаю, что у нее диабет, так что ей совсем не жарко. Она была практически в коме последнюю неделю. Теперь она еле стоит на ногах, а Джорджи помогает ей передвигаться.

– Где находятся кхуйи?

– Внутри, – отвечает Вектал, указывая на живот са-кохцка. – Ты готова, моя Джорджи? «У нас есть выбор?» – мысленно спрашиваю я, однако позволяю Джорджи ответить:

– Давай сделаем это.

Существо вспарывают от живота до грудины. Из него хлещет кровь. Как ни странно, это снова вызывает у меня тоску по дому.

– Похоже на свежевание оленя. Ничего особенного.

Я оглядываюсь, Раахош все еще наблюдает за мной. Кожу покалывает от его взгляда и... чего-то еще? Кажется, я сейчас снова потеряю сознание. Надеюсь, что нет.

Джорджи, стоящая рядом со мной, сглатывает комок в горле.

Раздается треск, и я оглядываюсь, чтобы увидеть, как Вектал стоит на грудной клетке гигантского существа, раздвигая ее большими руками. Та издает самый громкий щелчок, который я когда-либо слышала, а затем ломается.

– Очень, очень большого оленя, – комментирую я.

Джорджи снова сглатывает. Тиффани стонет и отступает на несколько шагов.

Я продолжаю наблюдать, просто чтобы на чем-то сосредоточиться. Боюсь, что если отвлекусь, Раахош снова приблизится и положит на меня свои руки. Не знаю, почему, но эта мысль одновременно раздражает и вызывает тепло.

Вектал берет сердце са-кохца у одного из охотников. Оно кишит извивающимися, светящимися червями, похожими на спагетти. Так, ладно. Этого не было в моей программе.

– Кажется, меня сейчас стошнит, – тихо говорит Кира, и Тиффани издает рвотный звук. Но Джорджи смотрит на Вектала так, словно он собирается подарить ей кольцо с бриллиантом или что-то вроде того. Они тихо перешептываются, а затем он достает нож.

– Что... что, если это попадет мне в мозг? – спрашивает Джорджи.

Это – червь и это не круто. Я в этом не участвую.

– Как будто так будет хуже, чем в сердце?

Серьезно?

– Кхуйи – суть самой жизни, – благоговейно объясняет Вектал.

Глупая Джорджи берет у него червяка, и он делает надрез у нее на горле. Я смотрю, как эта штука, корчась и извиваясь, зарывается в рану, словно реактивная ракета с тепловым наведением.

Черта с два! Я не подписывалась на это дерьмо! Я видела, что черви делают с сердцем животного. Охотники знают, что нельзя есть несвежее мясо. И вы уж точно не хотите *стать* таким мясом. Я отступаю на несколько шагов. Джорджи дрожит, задыхается и падает в объятия Вектала. Несколько девушек издают крики отчаяния, а затем появляются охотники, предлагая им светящихся паразитов.

Я ухожу. Я что-нибудь придумаю. Должен же быть другой выход. Ковыляю к роще, которая не способна меня защитить. Девушки смотрят на меня с любопытством, затем поворачиваются к Джорджи. Она – лидер, поэтому они последуют ее примеру.

Ну, и пожалуйста. Если Джорджи прыгнет со скалы, это не значит, что я тоже должна. Она, возможно, ослеплена большим крепким инопланетным членом, но я – нет. Я игнорирую сильную пульсирующую боль в ноге. Если еще не слишком поздно, я могу вернуться на корабль и что-нибудь придумать. Я понимаю, что паникую. Знаю, что это нелогично, но все, чему отец меня учил, говорит, что это плохая затея.

Паразиты *убивают* своих хозяев.

Неуклюже пробираясь мимо остальных, я вижу, как пришельцы осторожно ведут девушек навстречу гибели. Боже, как это мило с их стороны. Нет никаких доказательств, что это подействует на человека, да и Джорджи рухнула, как подкошенная. Все это ненормально. Плотнее закутавшись в меха, я ковыляю вперед.

И останавливаюсь.

Передо мной стоит Раахош, сверля горящими прищуренными глазами.

– Не пытайся остановить меня, приятель, – предупреждаю я, хотя знаю, что это бесполезно. Он не понимает по-английски.

Но он хватается за накидку и пытается развернуть.

Я вырываюсь из его хватки и продолжаю идти вперед. До меня доносится женский крик, который тут же стихает. Я вздрагиваю.

Раахош поднимает меня и снова перекидывает через плечо.

– Нет! – кричу я, стуча кулаком по его плечу. – Я не хочу! Ты не можешь меня заставить!

Раахош колеблется, а затем, к моему удивлению, опускает на землю. Какое-то время пристально смотрит на меня, а затем протягивает руку и нежно проводит по моему подбородку. Я позволяю ему это сделать, так как он больше не пытается меня вернуть. Его прикосновение на удивление нежное. Он ласкает мою холодную щеку, а затем жестом указывает ждать здесь.

– Да пожалуйста. Главное, что я не собираюсь возвращаться.

Я с трудом сажусь в снег, перенося вес с больной ноги.

Раахош направляется к мертвому са-кохцу и группе охотников. Я смотрю, как он исчезает в темноте, и дрожу. Подожду пару минут, а потом двинусь дальше. Быть может, он собирается сказать остальным, что я передумала, и он проводит меня на корабль.

Быть может, Раахош не такой уж и придурок.

Закрываю глаза и провожу рукой по лицу. Здесь очень холодно, но я так устала, что могу упасть и уснуть прямо в снегу. Все плывет, как в тумане. Но должен же быть другой выход. Если бы я только могла мыслить ясно, я бы что-нибудь придумала.

Мысленно возвращаюсь к Джорджи и тому, как Вектал перерезал ей горло. Вспоминаю ликующее извивание существа, когда оно зарывалось в ее рану. Крик и обморок. Меня начинает потряхивать.

В поле зрения появляется фигура. Едва осознав, что это Раахош, я уже лежу спиной в снегу, поваленная его гигантской рукой.

– Что происходит? – шиплю я гневно.

Он прижимает меня коленом к земле, и я едва могу разглядеть светящуюся, извивающуюся змеей нить в его руке.

Затем он достает нож из-за пояса.

– Черт возьми, ублюдок! Нет! – я сопротивляюсь изо всех сил, но так слаба, а он огромен, что едва могу постоять за себя, когда он приставляет лезвие к моему горлу и осторожно делает надрез у ключицы.

– Нет! – протестую я, но он не слушает. Этот засранец, этот кретин насильно хочет впустить в меня паразита.

Он мне не друг. Нисколько. Он не оставляет мне выбора.

Я отбиваюсь от его рук, когда он склоняется надо мной.

– Я буду ненавидеть тебя вечно, если ты сделаешь это, – шиплю я, пытаюсь оттолкнуть его.

Он пристально смотрит на меня, а затем протягивает руку. Я слышу тихое шипение, когда паразит касается моей кожи, и в следующие мгновение проскальзывает внутрь.

Я теряю сознание.

Раахош

Пока я смотрю, как ее бессознательное тело вздрагивает, приспособливаясь к кхуйи, пытаюсь убедить себя, что не имеет значения, будет ли она ненавидеть меня вечно. По крайней мере, она будет жить. Мои родители никогда не любили друг друга. До самой смерти мать проклинала отца. Их союз был несчастлив, но они все же были семьей.

Человеческая женщина может ненавидеть меня и все равно быть моей парой. Я не позволю ей выбрать смерть. Ни за что. Я буду оберегать ее, даже если придется оградить ее от себя.

Я поднимаю маленькое тело на руки и прижимаю к себе. Она такая холодная и хрупкая. Я поступил правильно. Без кхуйи она не продержалась бы и дня. Прижимая ее к себе, я стараюсь все обдумать.

Если я отнесу ее обратно в лагерь, она будет в ярости и расскажет остальным, что я заставил ее принять кхуйи.

Вектал, мой вождь, будет недоволен. Он сказал, что мы должны угождать людям. Давать им то, что они хотят.

Ему легко говорить, ведь Шорши смотрит на него с любовью и привязанностью. Все гораздо сложнее, когда твой человек смотрит на тебя со злобой и отвращением.

«Раахош страшнее большинства».

Если я отведу ее к остальным, они придут в ярость. Кхуйи внутри меня поет для моего человека, и впервые за последние сутки я позволяю ему свободно гудеть. Я резонирую, и это поистине невероятное чувство.

Они не смогут отнять ее у меня.

Я оглядываюсь на остальных, которые по-прежнему толпятся около са-кохцка. Они будут там еще несколько часов. Люди проспят какое-то время, быть может, сутки. Я не знаю, сколько времени это займет. Кроме того, нужно разделать мясо и вернуться в племенные пещеры, сопроводив в них людей, угождая им.

Все будут заняты.

Вместо того чтобы отнести мою женщину в лагерь, я крепче прижимаю ее к себе и направляюсь в противоположную сторону, прочь из долины.

Я заберу ее и спрячу. Мы не вернемся в племя, пока она не забеременеет, и мы не станем настоящей семьей.

А до тех пор? Она моя и только моя.

* * *

В наших краях есть пещера, которую я привык считать своей собственностью. Мы – большое племя, и иногда мужчинам приходится уходить далеко от дома, чтобы поохотиться. Поэтому у нас есть сеть охотничьих пещер, разбросанных на многие километры, которые служат местом отдыха для любого охотника, вынужденного заночевать. Там есть меха, принадлежности для разведения огня, а иногда припасы, чтобы облегчить положение. Этими пещерами может пользоваться любой охотник, при условии, что они останутся в изначальном состоянии.

Но эта пещера моя и только моя. Я нашел ее, когда был еще ребенком, во время одной из первых самостоятельных вылазок в дикую природу. В особо холодные месяцы вход скрыт толстой коркой льда, но сейчас лед еще не успел образоваться. Моя пещера недалеко от того места, где мы находимся, и я думаю об этом, пока несу на руках свою женщину. Она совсем ничего не весит, к тому же без сознания. *«Ей просто нужно время, чтобы адаптироваться к кхуйи»*, – говорю я себе. Беспокоиться не о чем. Она была больна. Потребуется какое-то время. Страх все еще не покидает мое сердце, и я ускоряю шаг.

Моя пещера так же пуста, как я ее и оставил. Есть признаки того, что здесь ночевало какое-то животное, но сейчас его нет. Убираю мусор с аккуратно сложенных в углу мехов, а затем укладываю на них своего человека. Она вся дрожит. Ее кожа больше не холодная как лед, значит кхуйи согревает ее, но не ослабляет дрожь. Решаю развести огонь и стараюсь не обращать внимания на гудение кхуйи, пока оно поет песню для женщины в моей постели. Хоть она и без сознания.

Моя постель.

Моя женщина в моей постели.

Я стону, охваченный неистовым желанием, от которого голова идет кругом, и закрываю глаза, стараясь держать себя в руках. Она скоро очнется, и тогда мы сможем спариться.

Человеческая женщина стонет от боли, пока спит. Ее ногу сводит судорога. Я осторожно высвобождаю ее хрупкие ступни, а затем массирую их. Они маленькие и грязные, без защитных наростов, покрывающих особо уязвимые места, как у меня. У нее пять пальцев, у меня три, и при виде фиолетовых, опухших пальчиков я вспоминаю, что они сломаны.

Их следует вправить, чтобы кхуйи смогло исцелить их.

Она стонет, мотает головой и вращает глазами под закрытыми веками. Я должен сделать это, пока она без сознания. Но от одной мысли, что придется причинить ей боль, меня выворачивает. Я касаюсь ее пальцев и сверяю, как сидят кости. Затем делаю глубокий вдох и вправляю их. Еле сдерживаю рвотный позыв, когда кости издают щелчок, вставая на место. Человек заглатывает воздух, приподнимается и резко падает обратно на постель.

Борясь с тошнотой, я вправляю все три пальца и осторожно перевязываю их кожаными веревками, чтобы зафиксировать. Мне едва удастся выбраться из пещеры, как меня выворачивает. Засыпаю ногой снегом то место, где меня стошнило, испытывая отвращение. Я вправлял сломанные кости своим соплеменникам и себе, но меня никогда не мучило при мысли о том, чтобы причинить боль.

Эта женщина уже начинает меня менять.

Кхуйи гудит в груди, призывая вернуться к ней. Я возвращаюсь, она выглядит такой маленькой, хрупкой и несчастной в моих мехах. К тому же грязной.

Я говорю себе, что должен раздеть ее, чтобы проверить, нет ли других ран. Что ей будет приятно проснуться чистой. Все это время кхуйи гудит и пульсирует в знак согласия. Оно хочет, чтобы я прикоснулся к ней, чтобы заявил свои права. И я не могу устоять перед этим непреодолимым зовом.

Устанавливаю треногу над огнем и вешаю наполненный снегом кожаный пузырь. Снег растает, вода нагреется, и тогда я смогу помыть свою пару. Я должен позаботиться о ней.

Ее грязная одежда – странного покроя, и требуется некоторое время, чтобы снять ее. Разделавшись с одеждой, отбрасываю ее в сторону, чтобы постирать позже. Похоже, она состоит из двух частей: длинной туники до бедер и крошечной набедренной повязки, которая меня озадачивает. Это носят для защиты? Она едва прикрывает бедра, а ведь люди не могут переносить экстремально холодной погоды. Не потому ли она такая бледная и больная? Кажется, она совсем не выходит на улицу.

Когда она обнажена, я отчетливо вижу различия в наших телах. Кхуйи поет громче, чем когда-либо, но я не собираюсь набрасываться на больную женщину в бессознательном состоянии и спариваться с ней, поэтому я игнорирую его. Вместо этого я растираю мыльную ягоду в теплой воде, затем набираю немного воды в руки и провожу ими по ее коже, омывая. Признаться, от одного прикосновения к ней мой член твердеет как камень, но я стараюсь его игнорировать. Она грязная, слабая и уставшая.

И она ненавидит меня.

Эта мысль позволяет держать себя в руках, когда уже ничего не спасает. Я провожу пальцами по ее бледной плоти, очищая и одновременно исследуя. Она такая мягкая. Даже на особо

уязвимых местах у нее нет защитных гребней, которые есть у нас, са-кхуйи. К тому же, на ее теле почти нет волос, что я нахожу странным. Тело са-кхуйи покрывает шерсть, но ее кожа уязвима для холода. Неудивительно, что она так быстро замерзает. Единственное место, где растет грива – на голове и между ног. Я помню, как Вектал рассказывал нам о людях и об их причудливом строении тела. Он утверждал, что у Шорши между ног – третий сосок. Интересно, у этого человека тоже? Возбужденный любопытством, я скольжу пальцами вниз и раздвигаю ее половые губы. Прямо между ними в самом верху я обнаруживаю небольшой, влажный от возбуждения бугорок. Даже от одного прикосновения к ней воздух наполняется ароматом секса.

Она нужна мне.

Я закрываю глаза, заставляя себя быть сильным. Кхуйи, преисполненное желания, пульсирует в моей груди. Это то, чего у меня никогда не было, и чего я хотел целую вечность.

Она будет первой во всем. Моя первая женщина, первая любовница. Мать моих детей. Я отвожу дрожащую руку от ее мягких, влажных складок, сопротивляясь желанию погладить их. Раз она реагирует на мои прикосновения, даже находясь без сознания, значит, кхуйи уже начало свои преобразования.

Я надеюсь, что она скоро проснется.

Мысль об этом побуждает меня к действию. Ей понадобится вода, еда и теплая одежда. У нее будут вопросы... и она будет сердита. Но мысль о ее гневе забавляет. Как будто она вправе винить меня в своем положении. Как будто я могу контролировать кхуйи и выбирать себе пару. Я фыркаю, возвращаясь к обтиранию ее грязной кожи. Мне требуется не один кожаный пузырь с водой, чтобы отмыть ее до того состояния, которое меня удовлетворяет. Затем я принимаюсь за ее гриву и, с удивлением, обнаруживаю, что она не тускло-темного, а золотистого цвета. Достая из сумки двузубый гребень и медленно, прядь за прядью, расчесываю мягкие, спутавшиеся локоны, пока они не начинают выглядеть опрятными и блестеть в свете костра. Ее грива скользит сквозь мои пальцы как нежная листва дерева сашрем. Я нахожу это самой привлекательной частью ее тела, потому что все остальное такое мягкое и беззащитное, что я не знаю, что и думать. Ее грудь хоть и большая, но тоже мягкая, а соски едва выделяются на фоне кожи. Это странно.

Я заканчиваю ее обмывать и достаю из сумки запасную тунику и юбку. Мы взяли старую одежду у женщин нашего племени для племени Шорши, но, когда выяснилось, что женщин одиннадцать, а не пять, одежда стала бесценной, и я взял, что смог, для своей пары. Одев ее, я укладываю ее поспать у огня, пока сам перекусываю дорожным пайком. Но еда застревает в горле. Трудно есть, когда моя партнерша лежит прямо передо мной. Я бы мог скользнуть между ее ног и заявить свои права. Ее тело приветствовало бы мое.

Но после этого она смотрела бы на меня с еще большей ненавистью. Я отмахиваюсь от этой мысли, потирая рукой свой пах, пока боль не стихает, а затем решаю поохотиться для своей половинки.

Свежая еда – именно то, что ей нужно. С этой мыслью я выбираюсь из пещеры, прихватив охотничье копье.

Лиз

Все болит. Ощущение, будто только что проснулась после длительного запоя. Голова кружится, кожа горит, а нога изнывает от боли.

Но что странно, я совсем не устала. Нет той пробирающей до костей боли, которая не покидала меня с момента прибытия на эту планету. Я ощущаю свежий фруктовый запах и поворачиваю голову, понимая, что лежу в гнезде из меховых шкур. Приятный аромат?

Исходит от моих волос.

Осознание этого заставляет моментально проснуться. Я сажусь и оглядываюсь. Я уже несколько недель не принимала душ и, видимо, привыкла к тому, что от меня несет сточной канавой. Но сейчас мои волосы чистые, мягкие, причесанные, а на мне новая одежда.

Я втягиваю воздух, мое дыхание учащается. На мне *новая одежда*. Кто-то, черт возьми, раздел меня, пока я была без сознания.

Ноги укрыты меховыми шкурами, неподалеку потрескивает разведенный огонь, на котором греется что-то, пахнущее чаем. Я сажусь, сбита с толку.

В следующее мгновение большая фигура появляется у входа в маленькую пещеру.

Раахош. Он задирает подбородок, увидев, что я проснулась, а затем бросает на пол свежую добычу. Повернувшись ко мне спиной, откидывает кожаную заслонку, которая служит дверью. Его появление напоминает о том, почему я была без сознания. Паразит. Теперь он внутри меня. Я хнычу и тянусь пальцами к ране на шее, которую Раахош нанес прежде, чем я потеряла сознание.

Она исчезла.

Как будто ее и не было. Значит, паразит уже во мне. Царапаю шею, отчаянно пытаюсь избавиться от него.

В следующее мгновение Раахош бросается ко мне и хватается за руки. От его прикосновений в груди что-то начинает гудеть. Сначала я думаю, что это желудок, но звук становится все громче, пока грудь практически не начинает вибрировать. Я мурлычу... для Раахоша.

Не хочу!

Я борюсь с ним, испытывая ярость и отчаяние. Не хочу паразита, не хочу Раахоша. Я ничего этого не хочу. Брыкаюсь, огрызаюсь и борюсь с ним, пока он держит меня за руки. Пытаюсь дотянуться до своей шеи, но Раахош меня останавливает. Он не позволит мне вырвать паразита. Пришелец хватается меня за подбородок и заставляет посмотреть ему в глаза.

Затем он слегка качает головой, как бы говоря «нет».

Ладно, к черту все это, и его к черту. Через пару секунд он отпускает мои руки, решив, что я успокоилась.

Я бью его кулаком в челюсть.

– Одеваешь меня, пока я без сознания, сукин ты сын? Моешь меня? Насильно внедряешь паразита, черт тебя побери? Ненавижу тебя!

Я сопровождаю каждое слово ударами рук и ног, пока гнев, наконец, не утихает.

И что в ответ?

Его раздраженный вздох. Затем он снова хватается меня за руки, заламывает их за спину и толкает на постель.

– Нет! – вскрикиваю я, когда щека касается одеяла.

Он бормочет что-то на своем языке, а затем я чувствую, как веревки обвивают мои запястья. Этот улюлюканье связывает меня.

Когда я уже думаю, что Раахош не может быть еще большим придурком, он снова меня удивляет.

– Ты не представляешь, как сильно я тебя ненавижу, – рычу я.

Связав мои руки и ноги, он возвращается к костру, как ни в чем не бывало.

Тяжело дыша, вне себя от гнева, я оглядываю маленькую пещеру.

– Где мы? Где все остальные? – спрашиваю я.

Он снимает шкуру с туши маленького животного и начинает разделять ее, игнорируя вопросы. Затем нарезает мясо маленькими кусочками и кладет на горячий камень. Его губы кривятся, когда мясо шипит на огне, а взгляд возвращается ко мне.

В животе урчит, а в груди все еще стоит гул от реакции паразита на Раахоша. Если это то, что я думаю...

То я только что обзавелась инопланетным мужем. Вот черт!

Этот пришелец?

Я стону, потому что это совсем не то, что я хотела. Если мне было суждено связаться с пришельцем, почему это не мог быть милый улыбчивый парень, который расплывался бы в улыбке при виде меня, и обращался со мной, как с сокровищем? Кто-то, кто смотрел бы на меня, как Вектал на Джорджи?

Вместо этого у меня инопланетная версия Сердитого Кота, который только что связал меня, как теленка на родео. Засранец!

Опускаю голову на одеяло, пытаюсь успокоиться.

– Хорошо, – говорю я в пустоту. – Ты здесь, Лиз. Если жизнь дает лимоны, делай лимонад. Ты жива, здорова... не считая паразита внутри, – я пытаюсь согнуть связанные руки. – У тебя появился новый друг и милая теплая пещера. Тебе готовят ужин вместо того, чтобы готовить на ужин тебя. Все могло быть гораздо хуже.

Я перевожу взгляд на Раахоша.

Он смотрит на меня в ответ, а затем спокойно переворачивает кончиком ножа кусок мяса. Очевидно, его не слишком занимает монолог, что только подчеркивает то, что он не получил новые «языковые настройки» на корабле. Я не удивлена. Вероятно, недружелюбному ублюдку не нужна жена.

– Итак, он не говорит по-английски, – выдыхаю я, крутя связанными руками. – Уверена, ты сможешь найти с ним общий язык, Лиз. Включи мозги.

Я задумываюсь. Старая южная поговорка гласит, что на мед можно поймать больше мух, чем на уксус. Жаль, что меня сейчас переполняют желчь и уксус, но я постараюсь быть медом.

– Эй, Раахош? – Мой голос слаще сахара.

При звуке своего имени он замирает, прищуривая глаза.

Поднимаю руки и жестикулирую ими как только могу.

– Не хочешь развязать меня? Не обещаю, что буду вести себя хорошо, но ты ведь это и так знаешь, – я продолжаю улыбаться. – Милый пришелец. Хороший пришелец. Подойди и освободи доброго человека.

Он моргает.

Снова поднимаю руки и извиваюсь на мехах. От этих движений соски трутся о тунику, и... о черт. Приходится сдерживать стон, который грозит сорваться с губ.

Я чертовски возбуждена. Глупый паразит.

Крепко сжимаю бедра, желая, чтобы это существо перестало барабанить в груди. «Хватит!» – велю я ему. – *Прекрати сейчас же!*». В конце концов оно успокаивается, и я снова смотрю на Раахоша. Он складывает приготовленные кусочки мяса в мешочек, а затем подходит ко мне.

– Освободишь меня, Раахош? – я киваю на свои руки.

В ответ он засовывает кусок обугленного мяса мне в рот.

– Ненавижу этого парня, – говорю я, жадно пережевывая. – Как мне приготовить лимонад, когда вместо лимонов у меня большой придурок.

Он лишь кладет мне в рот еще кусочек, не обращая внимания на мои страдания.

* * *

Закончив есть, я снова засыпаю, несмотря на связанные руки, а когда просыпаюсь, снаружи уже темно. Костер потушен, но все еще освещает пещеру. Здесь довольно тепло, несмотря на метель, которую я наблюдаю через дверной проем.

Раахош исчез.

Как и веревки на моих конечностях.

Я сажусь, потирая глаза. Чувствую себя гораздо лучше. Боль и ломота в костях почти прошли. Однако мне интересно, почему здесь только мы с Раахошем и где все остальные. Я даже не могу спросить его. Было ли это частью его плана? Представляю пробудившихся девушек, осознавших, что их отделили от группы, чтобы спариться с ними, и не могу поверить, чтобы кто-то решил, что это хорошая идея.

– Есть кто? – спрашиваю я.

В пещере тихо и почти темно. Я одна.

На мгновение задумываюсь о побеге. Сбежать, дав этим понять Раахошу что пошел-он-на-хрен. Но я не идиотка. Я понятия не имею, где я и куда он меня притащил. Я ничего не знаю об этой планете, и даже если он придурок, на данный момент он – мой единственный шанс выжить.

Но я чертовски рада, что сейчас его нет. Потому что я не на шутку возбуждена.

Мне это не нравится. Честно говоря, такого возбуждения я никогда не испытывала. Меня похитили пришельцы, заставили влачить жалкое существование на ледяной планете, а теперь я, по сути, замужем за мистером Высоким, Мрачным и Жутко-Раздраженным.

Однако, как только я думаю о Раахоше, его мысленный образ активирует моего паразита. Он начинает вибрировать, заставляя чувствительную грудь покачиваться, а соски тереться о плотную ткань туники.

Я стону и падаю обратно на постель. Это... слишком приятно и несправедливо.

Скольжу рукой под тунику и обхватываю грудь. О, Боже, как она ноет. К тому же я испытываю зуд вожделения между ног. Мне нужен секс. Очень нужен.

И единственный парень в округе – Раахош, высокий, подтянутый и вечно хмурый.

Вот уж спасибо, паразит. Большое спасибо.

Тем не менее, я снова представляю Раахоша, и моя рука скользит под юбку.

Моя киска намочка, завитки ее волос влажные и скользкие от желания. Я чувствую, что половые губы набухли и ноют, а когда скольжу пальцами по слишком чувствительному клитору, то едва не кончаю. Я издаю стон и начинаю ласкать себя пальцами.

Возможно, быстрый сеанс мастурбации, пока Раахош не вернулся, – именно то, что нужно, чтобы держать паразита под контролем. Даже сейчас, когда я убеждаю себя в этом, образ Раахоша заполняет разум, и я фантазирую, как он склоняется надо мной с обнаженными мускулистыми широкими плечами. Представляю, как его тонкие, не улыбочивые губы растягиваются от удовольствия, когда он погружается в меня, и мы начинаем заниматься сексом.

Отлично, я мастурбирую на пришельца. Во всем виноват паразит. Мне не нравится этот парень. Не нравится.

И все же, не могу отрицать, что фантазии о том, как мы занимаемся сексом, заставляют меня намочнуть. Я пытаюсь удовлетворить себя пальцем, но этого недостаточно. Мне нужно нечто большее. Мне нужен он. Но сойдет и мастурбация. Я принимаюсь ласкать клитор, выгибая спину от удовольствия.

– Раахош, – стону я.

И стоило только произнести его имя, как этот ублюдок появился на пороге пещеры. Легок на помине.

Я поймана на месте преступления. С рукой под юбкой и его именем на устах.
Желающая сгореть от стыда на месте.

Глава 2

Раахош

Поздно ночью мое внимание привлекает шум снаружи, доносящийся откуда-то издалека. Я отправляюсь на разведку с копьем в руке, готовый защитить своего спящего человека. Находиться одному в охотничьих угодьях довольно опасно, и опытный охотник всегда должен быть наготове. Я обнаруживаю неподалеку стадо двести и наблюдаю за ними. У некоторых самок нет детенышей, и неплохо было бы поохотиться на них, когда взойдут солнца, чтобы заготовить достаточно мяса для моей пары. Эта мысль доставляет мне удовольствие, и я возвращаюсь в пещеру в приподнятом настроении, несмотря на поздний час...

Вернувшись, я обнаруживаю, что пещера наполнена ароматом секса, а моя пара ласкает свой странный третий сосок и стонет мое имя.

Я прихожу в восторг от этого зрелища. Мой член твердеет, а кхуйи начинает петь. Она готова к спариванию. Она... она...

Мне следует запомнить ее имя.

Делаю шаг вперед, наблюдая, как она, вскрикнув, вытаскивает руки из-под юбки. Она падает на меха, но в воздухе остается ее запах, как свидетельство того, чем она занималась. Этот аромат настолько сильный, что я практически чувствую его на вкус, и мой член поднимается и пульсирует в ответ.

Ее кхуйи поет, и я наблюдаю, как она тянется рукой к груди, словно пытаюсь заставить его замолчать. Мое кхуйи напевает в ответ. Это так приятно. Меня не волнует, что она маленькая и хрупкая, не как са-кхуйи. Меня не волнует, что ее лицо плоское и гладкое. Меня даже не волнует, что я ей не нравлюсь.

Она моя. Мое тело знает об этом, как и ее.

– Нет, – шипит она, когда я приближаюсь, предупредительно поднимая руку и качая головой. – Не смей прикасаться. Ты меня не получишь.

Она снова отвергает меня? Я вздыхаю, находя это абсурдным, но останавливаюсь, ожидая ее дальнейших действий. Она непредсказуема.

Меня это... завораживает.

Она снова принимается ласкать третий сосок, и запах возбуждения наполняет воздух.

– Я ненавижу все это, – злится она, вздрагивая от прикосновений. – Ни одна женщина в здравом уме не возбудилась бы в такой ситуации. Но могу ли я перестать мастурбировать? Нет! Потому что одна мысль о сексе вгоняет в такую дрожь, что даже вообразить невозможно.

Ее пальцы, влажные от ее соков, скользят вверх и вниз.

Я стону от этого восхитительного зрелища. Потребность прикоснуться к ней так сильна...но меня останавливает суровое выражение ее лица. Поэтому я лишь сжимаю кулаки и сдерживаюсь, в ожидании того, что будет дальше. Шорши ведь не сопротивлялась Векталу, когда он заявил на нее права?

Но... моя пара явно думает обо мне. Она стонет мое имя, прикасаясь к себе. Звук моего имени, слетающий с ее губ, притупляет разочарование, и я продолжаю наблюдать.

Тяжело дыша, она ласкает себя.

– Я делаю это не потому, что хочу, – объясняет она. – А потому, что вынуждена. Эта гудящая штука в груди не позволяет остановиться.

Она снова поглаживает третий сосок, а затем смотрит так грустно и сердито, что меня пронзает укол жалости к ней. Вектал говорил, что человеческие обычаи спаривания отличаются от наших. Она, должно быть, чувствует себя такой беспомощной.

Она откидывает голову назад, прикусив маленькую розовую губу. Ее пальцы начинают двигаться еще быстрее. Она на грани оргазма, но даже не думает позволить мне прикоснуться к ней.

Во мне вспыхивает гнев. Неужели она думает, что это забавно? Что мне нравится пара, которая отвергает меня? Что я не страдаю от того же кхуйи-безумия, что и она? Что я не сгораю от потребности в ее прикосновениях? От нужды погрузить свой член в ее влажное тепло? Неужели она думает, что одинока в этом?

Или я для нее совершенно ничего не значу?

Раз она хочет получать удовольствие у меня на глазах и держать меня в эмоциональных заложниках, то я поступлю так же. Расстегиваю штаны и высвобождаю ноющий член. Он гордо выпирает наружу.

Она ахает при виде члена, на мгновение остановившись.

– Черт меня побери!

Ее слова – непонятный набор слов, но выражение лица говорит все, что нужно знать, так же, как и ее приоткрытый рот.

Я знаю, что этим не обделен. Мой член самый большой в племени. Я видел члены других мужчин во время купания, но они не сравнятся с моим по длине и толщине. Беру член, довольный тем, что она впечатлена его размером, и начинаю медленно поглаживать, водя рукой и позволяя ей смотреть.

– Это самый большой член, который я когда-либо видела, – выдыхает она. – Боже мой!

Я понимаю лишь половину слов, но она облизывает губы, и снова касается влагиалища. У меня перехватывает дыхание при виде этого зрелища. Она собирается ласкать себя, наблюдая, как я ласкаю себя?

Я издаю стон и продолжаю гладить член. Призываю ее смотреть. Наблюдать за каждым движением моей руки. Как скольжу по всей длине. Как ласкаю головку, а затем отступаю к толстому основанию. «Смотри на меня, – безмолвно приказываю я. – Смотри, как я ласкаю себя при виде тебя».

Все это время кхуйи гудит и резонирует в груди, так громко, что кровь стучит в ушах.

Я слышу, как ее кхуйи вторит моему, становясь все громче, и она стонет.

– О, Боже, я чувствую, как он гудит во мне.

Ее рука ускоряется, интенсивно потирая маленький сосок между ног. Ее взгляд останавливается на моем члене, и она облизывает губы.

Я стону при виде этого. Неужели она представляет, какой я на вкус? Эта мысль щекочет нервы. Фантазирую, как кормлю ее членом, обводя головкой мягкие, пухлые губы... как она произносит мое имя, когда берет его в рот. Картина довольно непристойна.

Закрываю глаза, потому что мне требуются все силы, чтобы сохранить контроль. Чтобы не забрызгать пещеру семенем от одной только мысли. Я хочу увидеть, как она кончит.

Она продолжает говорить, считая, что я ее не понимаю. Эта женщина – настоящая болтуня. Открываю глаза и вижу, что она все еще пялится на мой член.

– Не могу поверить, что у тебя есть гребни на чертовом члене, – выдыхает она, пока ее рука неистово ласкает третий сосок. Другой рукой она тянется под тунику, обхватывая грудь и задыхаясь от удовольствия.

– Не знаю, что за рог над ним, но он сводит меня с ума.

Ее влажные пальцы скользят во влагиалище, и она издает громкий стон.

– Черт, я кончаю.

Мои ноздри раздуваются, пока я наблюдаю, как она дрожит и откидывает голову назад, находясь на грани оргазма. Ее тело напрягается, и аромат секса в маленькой пещере становится сильнее. Она интенсивнее работает пальцами во влагиалище, а затем задышается и издает сдавленный звук, наконец достигнув оргазма.

Она сделала это, наблюдая за мной. Ее возбудил вид моего члена.

Я чувствую прилив гордости и вожделения при этой мысли. Потребность обладать ею становится сильнее, чем когда-либо, но я вспоминаю слова Вектала о том, что у людей другие ритуалы спаривания. Возможно, это один из них. Возможно, я неправильно понял сигналы моего человека. Быть может, она не отталкивает меня, а дает понять о своей заинтересованности. Быть может, это один из шагов к спариванию.

Когда она открывает глаза и вытаскивает пальцы из влажной вагины, я принимаюсь поглаживать член сильнее. Она заворуженно наблюдает. Я ласкаю член, представляя свою женщину так близко, что могу ощутить ее дыхание на коже. В этот момент я хочу притянуть ее, дать понять, что это все для нее. Мой член, мое кхуйи, мой резонанс – все это теперь принадлежит ей.

Ей.

Она как-то назвала свое имя, и теперь оно вертится у меня на языке. Вспомнил. «Лиз». Я кончаю с ее именем на губах.

Лиз

Это... было неприлично.

Не ожидала, что он застучает меня мастурбирующей и стонущей его имя. Двойное унижение. Все это разозлило меня, и я начала демонстративно ласкать себя, показывая, что мое тело ему не принадлежит, как он думал, и свою независимость. А паразит в груди мне не начальник.

И что он сделал? Вытащил свой огромный член и кончил за компанию.

Хуже всего то, что это было невероятно сексуально. Вид огромной руки, ловко скользящей по всей длине члена, дал понять, как именно Раахошу нравится, когда к нему прикасаются. Это возбудило меня как никогда прежде.

Я виню во всем паразита. Мне должно было быть стыдно. Я должна была перестать мастурбировать в тот момент, как он застукал меня. Вместо этого мы довели себя до оргазмов. Я лежу на спине, тяжело дыша и чувствуя себя измотанной. Он забрызгал семенем весь пол и теперь смотрит на меня с вызовом в сияющих голубых глазах.

Я сворачиваюсь на одеялах.

– Если думаешь, что я буду это убирать, то ты ошибаешься.

Сказав это, я вспоминаю, что моя рука мокрая от соков, и так не хочется вытирать ее о новую чистую одежду. Но после нескольких недель, проведенных в собственных нечистотах, я в отчаянии смотрю на руку.

К моему удивлению, он подходит ко мне, совершенно голый. Я задыхаюсь и прижимаюсь спиной к стене.

– Не прикасайся ко мне! Не...

Он хватает мою руку и наклоняется, обнюхивая ее. Затем, пристально глядя в глаза, облизывает мою ладонь и пальцы.

– О, Господи, – стону я. – Ты настоящий извращенец, не так ли?

Я пытаюсь вырвать руку, но он крепко держит ее, облизывая каждый миллиметр ладони и пальцев. Все это время его огромный инопланетный член находится прямо перед моим лицом, и начинает набухать. Он не перейдет со мной во второй раунд. Я вырываюсь, ненавидя паразита за то, что эти прикосновения заставляют его снова загудеть. В конце концов Раахош отпускает меня, и я отстраняюсь.

– Извращенец!

Сначала он раздел меня, пока я была без сознания, а сейчас нагло претендует на мое тело. Это выводит меня из себя, как и тот факт, что я возбуждаюсь от всего происходящего.

Во всем виноват паразит.

Я толкаю Раахоша в живот, чтобы он отошел хотя бы на несколько шагов.

– Уйди. Когда-нибудь слышал о личном пространстве?

Он пристально смотрит на меня. Его член находится у меня перед лицом. Это позволяет рассмотреть его в деталях. Я не рассчитывала, что член пришельца будет похож на члены парней из клубов в моем городе, но немного зла на Джорджи за то, что она ничего не упоминала об анатомии туземцев, когда рассказывала о них. У него над членом торчит гребанный рог. Он не заострен, как рога на голове, но выглядит как чертов палец, нависающий над хозяйством, и я не имею ни малейшего понятия, для чего он предназначен. Хуже всего то, что член (не то, чтобы я тщательно его изучала) имеет такие же гребни, как на руках и груди.

Что выглядит очень *странно*.

И я совсем не завожусь от этого. Нисколько. Нет.

Паразит в груди гудит, и я шлепаю по нему, чтобы заставить замолчать. Чертово существо. Я хватаюсь за одеяло под ногами Раахоша.

– Можешь отдать мне его, пожалуйста?

К моему облегчению, он отходит. Я выхватываю одеяло и плотно укутываюсь в него, а затем, ворча, пытаюсь снова заснуть. Паразит продолжает мурчать в груди, как придурок, но я раздражена и нисколько не испытываю облегчения после оргазма.

Похоже, мастурбация только ухудшила ситуацию. Полный отстой.

Я совершенно измотана. Все инстинкты говорят о том, что нужно выспаться. Ну, на самом деле, они говорят, что мне нужен секс, а потом сон, но я могу дать себе поспать. Я закрываю глаза, пытаюсь не обращать внимания на Раахоша, бродящего на другом конце пещеры. Не думаю, что он постарается что-нибудь предпринять; если бы хотел, то давно бы уже сделал. И несмотря на то, что я в пещере с чокнутым пришельцем, с которым у нас только что был фестиваль безудержной мастурбации, я засыпаю.

* * *

Проснувшись утром, я не удивлена, обнаружив большое теплое тело, прижимающееся к моему. Раахош уж точно не мистер Личные Границы, но если все, что он делает, это спит, я могу с этим смириться. Я зеваю и отодвигаюсь от него.

Его большая рука моментально обнимает меня за талию. Он ворчит и притягивает к себе, зарываясь в одеяла.

Типичный мужчина. Я с трудом отрываю его руку от себя.

– Кому-то нужно пописать.

Выскользнув из его хватки, я, пошатываясь, поднимаюсь с постели. Хоть ноги и дрожат, я чувствую себя сильной. Шевелю пальцами ног, они выглядят превосходно. Хм, возможно, этот паразит не так уж и плох. С другой стороны, у него ужасный вкус на мужчин.

Пол пещеры вычищен, а в костре догорают угли, что говорит о том, что Раахош лег поздно. Я зеваю, оглядываясь в поисках обуви, но единственное, что вижу – его ботинки. Пожимаю плечами и обуваюсь, а затем выхожу наружу, чтобы заняться своими делами.

Я не уйду далеко, я ведь не тупица. Тут все такое инопланетное и чуждое. Вокруг может быть полно опасных существ. Я не удивляюсь, когда, обернувшись, вижу сонного Раахоша с копьем в руках, готового меня защитить.

Или выследить.

– Я никуда не уйду, – объясняю я ему. – Если только за углом нет «Старбакса».

Он указывает на вход в пещеру, и я закатываю глаза, возвращаясь обратно.

– Куда, по-твоему, я могу отправиться? Я понятия не имею, где я, и даже не представляю, в каком направлении находятся остальные. Думаешь, я просто пойду наугад, после всего, через что пришлось пройти?

Когда он не отвечает, я вздыхаю.

– Не обращай внимания. Это все равно, что говорить со стеной. Кстати, спасибо, что похитил меня. Ты сделал дерьмовую ситуацию еще хуже. Премного благодарна.

Он испепеляет меня взглядом и снова указывает на вход в пещеру.

– Я как раз туда и направлялась.

Зайдя в пещеру, я сажусь возле костра. Требуется мгновение, чтобы осознать... что я больше не дрожу от холода. Либо я промерзла до костей, либо паразит творит чудеса. Здесь прохладно, и мне не помешала бы теплая куртка, но больше не кажется, что мои ноги вот-вот превратятся в ледышки. Сажусь на меха и, стянув ботинки, возвращаю их Раахошу.

Он берет их, прищурившись, и начинает внимательно осматривать, как будто я каким-то образом заминировала их за те три секунды, пока снимала. Я фыркаю.

– Сделай мне обувь, и я не буду красть твою, – говорю я, убирая с лица прядь волос. Они все еще чистые, блестящие и вкусно пахнут, но в то же время пребывают в полном беспорядке.

Мне стоит заплести их. Я пытаюсь сесть, скрестив ноги, но длинная кожаная юбка не позволяет это сделать. Мне нужны штаны. Штаны, ботинки и что-нибудь, чем я могу собрать волосы.

– Полагаю, в этом заведении нет кофе? – спрашиваю, прекрасно зная, что он не ответит. – Если планируешь держать меня в плену, я буду самой требовательной и вредной пленницей, с которой ты когда-либо имел дело. Так что готовься, варвар-засранец.

Раахош садится у костра, не обращая внимания на оскорбления. Берет костяной нож и шевелит угли его острием, пока языки пламени не оживают. Затем идет в дальнюю часть пещеры и берет несколько брусков того, что, надеюсь, является торфом, а не пометом. Подкидывает их в огонь и снова помешивает. Все это время я наблюдаю за ним. Я стараюсь не обращать внимания на то, что его движения очень грациозны, почти как у танцора. Или на то, что его штаны и набедренная повязка из странной кожи сшиты таким образом, что подчеркивают впечатляющее хозяйство, которое я могла вчера рассмотреть совсем близко. Мышцы ног красиво играют, когда он садится на корточки у огня, а хвост стучит по полу, как у раздраженного кота. Он сердится на меня? Или это означает что-то другое?

– Ты напоминаешь мне кота, – говорю я ему. – У тебя дергается хвост, и держу пари, стоит тебя погладить, как ты замурчишь. Ха. Если бы я только могла заставить тебя погнаться за мышью и оставить меня в покое.

Он снова смотрит на меня, прищурившись.

– Я говорю о еде, – лукавлю я, сохраняя веселое выражение лица, затем жестом изображаю, как ем. – Как насчет чего-нибудь вкусенького для моего пузика, Усатик?

Он рычит и встает, и я клянусь, что не обращаю внимания на его большие, твердые как камень бедра. Нисколько. Ни разу. Он снова направляется в дальний конец пещеры, где хранит небольшой мешок с вещами, и достает из него кожаный пузырь с водой. Я уже видела такой. Мой папа был старой закалки и, отправляясь на охоту, брал с собой пузырь для воды, очень похожий на этот. Я протягиваю к нему руку.

Раахош слегка взбалтывает воду, а затем подносит к своему рту.

– Придурок! – возмущаюсь я. – Ты что, издеваешься надо мной?

Как раз перед тем, как сделать глоток, он смотрит на меня сверху вниз и дьявольски ухмыляется.

Я тут же начинаю мурчать, а мой пульс колотится где-то между ног. Черт возьми, паразит, сейчас не время.

– Нет, ты точно издеваешься надо мной, – ворчу я, но он протягивает мне пузырь, а затем гладит по щеке, словно показывая, что это мне. Мне не нравится его игривая сторона. Совсем. Абсолютно. Мое лицо серьезно, но губы подергиваются в улыбке, потому что плохо слушаются.

Я пью воду, немного разочарованная тем, что это не кофе, и оставляю ему, потому что я не последняя сволочь. Он делает глоток, а затем набивает пузырь снегом у входа в пещеру и вешает на небольшой выступ в стене.

Проделав это, он надевает ботинки.

– Ооо, мы идем на охоту? – взволнованно говорю я, поправляя одежду и поднимаясь на ноги. – Когда-то я помогала отцу на охоте. Я отлично стреляю из лука. Конечно, сейчас у меня нет лука, но, если мы найдем дерево, я, наверное, смогу его сделать. Знаешь, я как-то сделала один на уроке труда в старшей школе.

Он ничего не отвечает, натягивая ботинки и затягивая шнурки прямо под коленом, чтобы прикрыть голени. Затем берет копьё и, не оглядываясь на меня, направляется наружу.

Я смотрю, разинув рот. Вот придурок. Он проигнорировал меня и отправился на охоту один. В бешенстве я несусь вслед за ним босиком по снегу, но... очень быстро сдаюсь, потому что даже паразит не может согреть пальцы на ногах. Вздрагиваю от холода и направляюсь обратно в пещеру, сердясь на своего похитителя.

Если он думает, что этим добьется моего расположения, то у него такие же проблемы с головой, как и с пониманием, что такое отношения.

Вернувшись, я сажусь у огня и жду, когда вернется мой придурок-похититель.

Раахош

Моя Лиз – болтушка. Даже думая, что я ее не понимаю, она болтает без умолку, ведя одностороннюю беседу. Для меня это странно, ведь я всегда был молчаливым. В племени шутят, что больше всего я люблю тишину.

Но... я не знаю, так ли это.

Когда я покидал пещеру, Лиз упомянула, что раньше уже охотилась, и выглядела обиженной из-за того, что я не взял ее с собой. Моя женщина умеет охотиться? Эта мысль для меня необычна. Не то, чтобы женщины са-кхуйи не могли охотиться, но их так мало, и мы ими так дорожим, что не смеем рисковать их жизнями на охоте. Возможно, когда Лиз наконец уступит зову кхуйи, мы вместе отправимся на охоту. Будем отслеживать дичь, спать в охотничьих пещерах и заниматься любовью долгими зимними ночами...

При этом моя женщина будет болтать без умолку, портя охоту.

И тем не менее эта идея наполняет меня радостью. Подумать только, после стольких лет у меня может быть напарница. Несмотря на племя, я всегда чувствовал себя... одиноким. Изгоем. Возможно, потому что у меня никогда не было ни пары, ни любовницы. Я считал, что никому не нужен.

Когда я вспоминаю об этом, мое настроение падает. Я все еще никому не нужен, в том числе Лиз. Злясь на себя, вонзаю обратную сторону копья в снег, используя его как трость. Она передумает. Она должна. Я... не знаю, что буду делать, если моя пара отвергнет меня, несмотря на ее кхуйи.

От одной мысли об этом моя душа начинает болеть.

Из-за снежной бури дичи в округе не так много, и требуется времени, чтобы добыть достаточно еды. Я подкрадываюсь к зверю и вонзаю нож в горло прежде, чем он успевает убежать. Затем пускаю кровь и разрезаю тушу от крестца до горла, чтобы кровь не свернулась раньше, чем я вернусь в пещеру. Вынимаю потроха и использую их как приманку в ловушках, которые проверю завтра. Остальными внутренностями перекусываю по дороге обратно. Вектал говорил, что люди придирчивы в еде и отвергают самые лакомые кусочки.

Вернувшись в пещеру, с удивлением обнаруживаю, что волосы Лиз мокрые, как будто она искупалась. Кожаный пузырь снова полон снега, а моя женщина сидит в мехах без юбки. Замираю при виде изящного обнаженного бедра и изгиба ягодиц, от чего кхуйи начинает буйствовать в груди.

Она натягивает одеяло, скрывая тело от моего взгляда. Ее лицо приобретает интересный оттенок розового.

– Так мило с твоей стороны вернуться, – говорит она.

Мое сердце бешено колотится. Она серьезно? Мой член тверд и ноет от желания заявить на нее права, но ее лицо выражает недовольство. Это сбивает меня с толку. Это очередной ритуал спаривания, который я не понимаю?

Почему Вектал не рассказал больше о том, как ухаживать за человеческими женщинами? Я в растерянности.

Я наблюдаю, как Лиз проделывает при помощи костяного ножа очередную дыру в юбке. На самом деле, это уже не юбка, кажется, она смастерила себе штаны. Умно. Ее волосы собраны на макушке, образуя подобие короны, и я поражен ее изобретательностью.

Я намеренно оставил Лиз без обуви, потому что волнуюсь, что она уйдет, как только ее получит. Теперь мне придется внимательнее следить за ней.

По пещере разносится звук, и на мгновение я думаю, что это ее кхуйи... Но потом понимаю, что это ее желудок. Она голодна.

Подхожу к костру и мастерю вертел из нескольких веток. Людям нравится есть подгорелое мясо, и я делаю это для Лиз. Пока я освежеываю дичь, моя пара с интересом наблюдает. Она не бунтует, как я ожидал.

– Это дикобраз? – интересуется она, когда я отбрасываю в сторону шкуру зверя с иглами. – Выглядит, как результат спаривания кошки с утконосом.

Я не понимаю большинства ее слов. Срезаю полосками сочную плоть с боков зверя и насаживаю ее на вертел, чтобы приготовить на огне. Моя пара продолжает наблюдать с интересом, время от времени комментируя.

– Я не ощущаю запаха еды настолько сильно, насколько ожидала, – говорит она. – Это странно. Как будто у меня заложен нос, но это не так. Кажется, я не чувствую запахи, как раньше. – Она поднимает руку и нюхает себя под мышкой. – Даже мой запах пота практически отсутствует. Это из-за паразита? Или что-то физиологическое? Пахнет ли девушка в лесу, если поблизости нет никого, чтобы почувствовать ее запах?

Ее бессмысленная болтовня все продолжается, и в конце концов я снимаю один из кусков мяса с огня и нюхаю его. Пахнет ужасно... что, вероятно, означает готовность к употреблению человеком. Я протягиваю его, желая накормить свою пару.

Она тянется за ним, но я отдергиваю руку прежде, чем она успевает взять. Лиз хмуро смотрит на меня.

– Серьезно? Мы снова играем в эту игру?

Моя женщина бросает на меня недовольный взгляд и протягивает руку.

Ладно. С тем же успехом я могу разглядывать свою пару, пока у нее заняты руки. Я передаю ей мясо, и когда она берет его в обе руки, наклоняюсь и касаюсь пальцами ее лица, вглядываясь в синеву ее глаз. Несмотря на то, что она пытается оттолкнуть меня, я доволен тем, что вижу – ее глаза сияют голубым светом, значит ее кхуйи здорово. А резонанс в ее груди от моего прикосновения говорит о том, что она ощущает нашу связь так же сильно, как и я.

Это хорошо.

Я сажусь на корточки и наблюдаю, как она откусывает кусочек мяса. Пока она жует, на ее лице появляется выражение разочарования.

– Это абсолютно безвкусно.

Я съедаю свой кусок сырого мяса и продолжаю наблюдать за ней. Черты ее миниатюрного плоского лица искажаются. Она снимает другой кусочек с вертела и кладет себе в рот.

– А я не могу попробовать это? – она наблюдает за мной, пока я ем сырое мясо. Лиз облизывает губы, и мой член реагирует так, как будто она облизывает его. Мое кхуйи резонирует, а ее откликается. Она не обращает на него внимания и сосредотачивается на еде. – Можно мне попробовать твоей еды?

Она указывает на сырое мясо. Я удивлен. Разве Вектал не говорил, что его пара брезгует сырой пищей? Но глаза Лиз широко раскрыты и полны любопытства. Она смотрит на мой рот так, что заставляет меня воображать, как мы спариваемся, и я губами касаюсь ее мягкой, бледной кожи.

Я дам ей все, что она попросит. Все, что угодно. Абсолютно все.

Я отрезаю для нее толстый сочный кусок мяса от зверя с иглами. Когда она тянется за ним, отвожу ее руку в сторону. Если моя пара хочет моей еды, я накормлю ее сам. Она окидывает меня раздраженным взглядом, но я уже привык к этому. Через мгновение она послушно открывает рот, ожидая, когда я ее покормлю.

У меня вырывается тихий стон желания.

Лиз закрывает глаза.

– Ты просто извращенец, – говорит она хриплым голосом и открывает рот пошире.

Аккуратно просовываю кусочек мяса между ее губами. Мои мысли в данный момент такие пошлые и непристойные, я представляю, как ее розовые губы скользят по моей коже, лаская гребни на руках и животе... а затем опускаются ниже.

Я даже не уверен, случится ли это, но теперь, когда образ засел у меня в голове, не могу от него избавиться. Член твердеет под набедренной повязкой, отчаянно желая заявить права на мою пару.

Лиз берет мясо и медленно его жует. Затем кивает и открывает глаза.

– Лучше. Гораздо лучше. Теперь я понимаю, почему вы, ребята, едите сырое. – Ее рука ложится мне на колено, и она смотрит большими невинными глазами, как у ребенка, выпрашивающего что-то у родителей. – Могу я съесть твое? – Она указывает на мясо, которое я отложил для себя.

А затем начинает поглаживать большим пальцем мое колено, чтобы усилить эффект. Меня обезоруживают ее большие глаза и легкое прикосновение. Я знаю, что она пытается манипулировать, но мне все равно. Пока она так касается меня, я скормлю ей все мясо в пещере. Отрезаю еще кусочек и снова кормлю свою пару, очарованный тем, как работает ее маленький ротик, и довольным выражением на ее лице.

Рука все еще на моем колене. Я бы все отдал, лишь бы она была под моей набедренной повязкой и ласкала член.

Я скормливаю ей кусочек за кусочком, она не возражает, а ее кхуйи довольно напевает в груди. Сам я уже позабыл про еду. Близость моей пары завладела всеми мыслями.

В конце концов Лиз вздыхает, похлопывая себя по животу, и отмахивается от очередного кусочка. Я встаю, чтобы предложить ей воды и побыть рядом еще пару минут. Она пьет, и я зачарован ее влажными, блестящими губами.

Когда я впервые увидел людей, то подумал, что они уродливы. Их лица такие странные, а кожа слишком мягкая. У них нет гребней на руках и груди, защищающих мышцы и внутренние органы. У них нет рогов и хвоста. Они совершенно беззащитны. Даже ее маленькое личико отличается от лиц са-кхуйи плоским лбом, а волосы такого бледного цвета, который я никогда не встречал.

Но оно распаляет мои фантазии. Теперь, когда думаю о счастье, представляю ее лицо. Не имеет значения, что она другая. Она моя, а я ее.

– Ты пялишься на меня, – возмущается она, отставляя в сторону кожаный пузырь с водой. – Вечно ты пялишься, приятель. – И прежде, чем я успеваю отвести взгляд, она вздыхает: – Вот бы ты говорил по-английски, тогда бы я могла рассказать, насколько странным нахожу все это.

Я притворяюсь, что не понял, и протягиваю руку, желая коснуться ее лица.

– Опять ты за свое, – говорит она. Я не понимаю ни слова, но догадываюсь, что это отказ. Она предупреждающе вытягивает вперед руки и качает головой. – Хватит телячьих нежностей на сегодня. Нам нужно поговорить. Время для урока языка. Она кладет руку мне на грудь. – Раа-хош.

Я проделываю то же самое:

– Лиз.

Ее лицо заливается краской, и она шлепает меня по руке.

– Не трогай сиськи!

Что я опять сделал не так? Я снова протягиваю руку, но она отбивается от нее. Ее кхуйи пульсирует, и я вижу, как ее соски твердеют под тонкой кожей туники. Ах. Это возбуждает ее? Не в силах сдержаться, я касаюсь одного из сосков.

Она вскрикивает и дает мне пощечину.

– «Нет» значит «нет», придурок!

После чего резко встает и уходит.

Я пошатываюсь, ощупывая челюсть. Легкий шлепок не причинил боли, но я ошеломлен тем, что она ударила меня.

Она своенравная, моя Лиз. Мне это нравится.

Если она думает, что сможет отпугнуть пощечиной, то глубоко заблуждается. Я усмехаюсь про себя, когда она хватается одеяла и фыркает, демонстративно повернувшись спиной. Я все еще слышу, как гудит ее кхуйи. Это, как и запах возбуждения в воздухе, говорит о том, что ей понравилось мое прикосновение.

Моя пара возбуждена.

Это, должно быть, один из любопытных человеческих ритуалов спаривания. Так вот что означает «опять ты за свое». Я мысленно повторяю эти слова, чтобы в подходящее время сказать ей их.

Лиз

«Глупая, глупая Лиз. Над твоими навыками общения нужно всерьез поработать», – говорю я себе. Я положила руку ему на грудь и произнесла его имя. Оказалось, мое он тоже знает. Он со стоном выдохнул «Лиз» сквозь огромные, стиснутые клыки.

«Я не возбуждаюсь, думая об этом. Нет. Нисколько». Я хлопаю себя по груди, чтобы убедиться, что мой паразит слышит.

Конечно же, он положил руку мне на грудь в ответ. Но я забыла, насколько чувствительно мое тело (спасибо паразиту), и едва не лишилась чувств от его прикосновения. Возможно, у меня поехала крыша. Совсем чуть-чуть. Потому что еще одно прикосновение, и я бы сняла трусики.

Ой, подождите, у меня ведь нет трусиков.

На мне наполовину законченная юбка-брюки, которая нуждается в дополнительных швах. Моя рука отчаянно тянется между ног, желая утолить возбуждение... Но я знаю, что этого недостаточно. И не представляю, что буду делать, если Раахош снова вытащит свой огромный член и начнет его ласкать. Я не доверяю своему паразиту – новой версии меня, готовой в любой момент подкрасться к большому пришельцу и начать облизывать его с ног до головы. *О, это твоё ухо? Прости, оно такое сексуальное. И этот локоть тоже. И эти брови. Они просто умоляют, чтобы их облизали.*

На самом деле, я так возбуждена, что даже мысль о том, чтобы облизать его брови, заставляет меня намокнуть. От слова «рога» становится еще хуже, потому что теперь я фантазирую, каково это, лизнуть его большие рога. Или оседлать один из них и потереться об него своими девчачьими прелестями.

– Прекрати, Лиз! Ты сходишь с ума!

Я действительно схожу с ума. Я вздыхаю. Мне нужен план. Чем дольше я нахожусь в этой пещере наедине с Раахошем и паразитом, тем сложнее игнорировать нарастающие позывы тела. Мне нужен план побега. Не представляю, куда могу отправиться, но знаю, что не могу здесь оставаться. Мысленно составляю список вещей, которые понадобятся. Еда. Вода. Оружие. Обувь. Теплая одежда. Укрытие.

В Оклахоме мы с отцом часто ходили на охоту. Я знаю, как развести огонь и что нельзя есть желтый снег. У меня есть одежда, а эти одеяла способны уберечь от самых сильных ветров. При наличии оружия я сумею добыть еду. С укрытием могут возникнуть проблемы, его невозможно спланировать заранее. Остается только надеяться на лучшее.

В первую очередь нужно позаботиться об обуви и оружии. Я могу сделать обувь из своих штанов и одного из одеял, остается только дожидаться, когда Раахош уйдет на охоту, чтобы он ничего не заподозрил.

Что касается оружия... Я, наверное, смогла бы выкрасть копье, но оно слишком большое и тяжелое для меня. Не уверена, что сумею с ним охотиться. Что мне действительно нужно, так это лук. Будь у меня лук, мне бы удалось победить в этой игре на выживание. Я прекрасно владею луком и стрелами.

Итак, сначала обувь, а потом найти материал для лука. Как только у меня будет лук, я смогу уйти в дикую белую глушь.

Уйти, чтобы?.. Я не совсем уверена, но таков план. Иногда все, что ты можешь сделать – правильно использовать то, что у тебя есть сейчас.

Раахош

Моя пара совсем притихла.

Лиз, которая болтает без умолку, хотя думает, что я ее не понимаю, Лиз, которая говорила бы с камнем, будь у него уши, Лиз, которая разговаривает даже во сне, сейчас молчит. Немного подремав, она проснулась и теперь наблюдает хитрыми сияющими глазами, как я собираюсь на охоту.

Меня не было большую часть дня, я добывал еду для своей пары, а когда вернулся, то обнаружил Лиз все еще притихшей, но уже в хорошем расположении духа. Теперь она позволяет кормить ее кусочками сырого мяса и даже не отталкивает, когда я глажу ее по щеке.

Это кажется подозрительным.

Но она так сладко зевает и улыбается, когда заползает в меха, чтобы поспать, а меня так тянет к ней, кхуйи гудит от потребности. Это... часть человеческого ритуала спаривания? Должен ли я сейчас сказать ей «опять ты за свое»? Бросится ли она в мои объятия и раздвинет ли для меня ноги, чтобы мы могли стать одним целым? У меня нет в этом никакого опыта. Я ложусь в постель и, не в силах сдержаться, поглаживаю ее плечо и спину, повернутую ко мне.

Она шлепает меня по руке, и, как ни странно, мне становится легче. Это так привычно. Я жду, пока она заснет, а затем сам погружаюсь в сон.

Незадолго до рассвета я чувствую, как ее тело напрягается рядом с моим.

Стараюсь дышать ровно, чтобы не выдать себя. Любопытно узнать, что она собирается делать. Бежать? Убить меня? Лиз ведет себя не так, как раньше, когда скатывалась с кровати и, шумно причмокнув, направлялась по нужде. На этот раз она ведет себя скрытно. Медленно и осторожно убирает мою руку со своей талии и кладет ее на одеяла. Затем потихоньку откидывает меха и выбирается наружу, стараясь не потревожить меня, пока я «сплю». Выбравшись из постели, бросает на меня взгляд, но мои глаза закрыты, дыхание ровное. Удовлетворившись, отходит на несколько шагов, и я, приоткрыв глаза, наблюдаю за ней сквозь ресницы.

Лиз берет мои ботинки в дальнем углу пещеры и надевает их на свои миниатюрные ножки. Крепко завязывает отвороты ботинок, которые достают ей до бедер. Эта картина так эротична, что захватывает дух... и к тому времени, как она надевает второй ботинок, мой член тверд как камень. Кхуйи не переставало гудеть всю ночь из-за нашей близости, и теперь боль в теле становится ощутимее. Мне нужно заявить права на свою пару.

Она смотрит на копые, оценивая его, а затем оглядывается, чтобы убедиться, что я сплю.

Я остаюсь неподвижным, ожидая ее дальнейших действий.

Она берет копые и на цыпочках выходит из пещеры.

Что ж, теперь остается понять, что именно она задумала. Я выбираюсь из постели и решаю следовать за ней на безопасном расстоянии. У меня мерзнут ноги, но я не обращаю на это внимания. Я привык к суровым условиям, и мое тело выдерживает низкие температуры, в отличие от нежной человеческой плоти. Замечаю, что, пока меня не было, Лиз дошила свои штаны. Восхищаюсь изгибами ее тела, пока она с трудом пробирается по снегу в моих больших ботинках. Сугробов намело мне по колено, а ей до самых бедер. Она ворчит и жалуется на своем языке, с каждым шагом утопая в снегу. Возможно, она устанет и вернется обратно.

Но моя женщина так просто не сдается, и я подавляю ухмылку, когда она продолжает двигаться вперед, бормоча что-то под нос.

К моему удивлению, она направляется к деревьям вдалеке. Она голодна? Их листья несъедобны, а кора хороша только в качестве лекарства – ее кладут в горячую воду и оставляют замачиваться на ночь. Охваченный любопытством, следую за Лиз на безопасном расстоянии. Что она задумала?

Хотел бы я, чтобы кхуйи помогло прочесть ее мысли, потому что мою пару понять невозможно.

Лиз

Неподалеку от пещеры есть деревья. Направляюсь напрямик к ним, пробираясь сквозь глубокие сугробы. Следует поторопиться, если Раахош обнаружит, что я ушла, он свихнется. Я не пытаюсь сбежать, пока нет. Я ищу материал для лука. Мне нужен эластичный материал для тетивы, возможно свежесделанная кожа подойдет, если я смогу скрутить ее в прочный жгут. Раахош не выбрасывает шкуры от пойманной дичи, и у меня есть на них планы. Если придется, сделаю тетиву из ворса или моих чертовых волос, но что-нибудь придумаю.

Я еще не нашла материал, из которого могла бы сделать основу для лука. Мне нужен длинный кусок чего-то вроде дерева, который будет достаточно гибким.

Я долго изучала копьё Раахоша, оно больше двух метров в длину и немного гнется, но слишком тяжелое. Мне нужно что-то полегче и прочнее.

Поэтому я тащусь сквозь сугробы к деревьям. Они не похожи на те, что мне доводилось видеть раньше. По форме напоминают ресницы или перья. Суровые зимние ветра качают их, от чего листья выглядят как розовая, трепещущая нить. Тем не менее, они больше всего напоминают деревья, поэтому я направляюсь к ним.

Возле деревьев снег не такой глубокий, что здорово. Я подхожу к ближайшему дереву и провожу рукой по коре. Во всяком случае, я думаю, что это кора, но на ощупь она вязкая и липкая, от чего меня начинает подташнивать. Сам ствол толщиной примерно с банку содовой, и от очередного порыва ветра, качается и трепещет. Проклятие. Скорее всего, из этого ничего не выйдет. Каменным наконечником копья делаю надрез на коре. Быть может, сердцевина под корой твердая и пригодная к использованию?

Но когда заглядываю вглубь надреза, то вижу, что дерево (называть его так можно лишь в шутку) изнутри выглядит еще более желеобразным и начинает источать розовое вонючее вещество, которое прилипает к пальцам. Я вытираю руки о снег и морщусь.

Это не годится для лука.

Я вздыхаю и печально оглядываюсь вокруг. На этой чертовой ледяной планете должно же быть что-то, из чего можно сделать лук. Ну, серьезно. Я знаю, что племя Раахоша и Вектала отстает в развитии из-за того, что застряло здесь так же, как и мы, но все же. Лук является основным инструментом охоты.

С другой стороны, я не видела здесь никого с луком. Они пользуются силками, копьями и ножами.

Проклятье.

Я покинула пещеру не так давно и теперь тащусь куда глаза глядят. Не уверена, куда направляюсь, но к черту все это. Позади меня гигантский ледник, у подножия которого располагается пещера. Он послужит указателем, если я заблужусь. Когда я поднимаюсь на холм или два, мое внимание привлекает... что-то. Пробираюсь сквозь сугробы, прохладно, но не так холодно, как раньше, и я догадываюсь, что этим обязана паразиту. Он приспособливает мое тело к окружающей среде.

Мне все еще обидно из-за того, что в меня впустили паразита, несмотря на все его преимущества. Я не чувствую запаха и вкуса еды как раньше, а это существо пытается свести меня с самым мрачным пришельцем, которого только можно представить.

Пришельца с самым большим «хозяйством». Не то чтобы я думала об этом. Проклятье. От воспоминаний о том, как Раахош поглаживал свой член и медленными, дразнящими движениями двигал рукой по всей его длине, мой паразит начинает мурчать, заставляя грудь вибрировать.

– *Боже, паразит, ты такой тупица!* – говорю я, ударяя себя в грудь и пытаюсь его успокоить. Не то чтобы это работало, но я все равно это делаю.

Затем я останавливаюсь, потому что вижу вдалеке темную, извилистую линию. Охваченная любопытством, направляюсь к ней, и когда подхожу ближе, понимаю, что это ручей. Из воды торчат какие-то штуковины, похожие на бамбук. Они выглядят легкими и прочными. Интересно, смогу ли я ими воспользоваться? Воодушевившись, подхожу ближе. Я собираюсь вытащить один из воды, а затем вернуться домой до того, как Раахош проснется. Спрячу находку в снегу у входа в пещеру, и он никогда не узнает, что я тайно мастерю себе оружие, чтобы однажды сбежать.

Солнца всходят вдалеке, наполняя мир молочно-бледным светом, которого никогда не хватит для того, чтобы растопить эти снега. Несмотря на то, что их два, они – лишь маленькие огоньки в небе, и я полагаю, что Не-Хот (как я привыкла называть эту планету) располагается гораздо дальше от них в своей солнечной системе, чем Земля от Солнца. Возможно, поэтому здесь всегда так холодно. Подойдя к ручью, ощущаю в воздухе слабый запах тухлых яиц – сера. Значит, это горячий источник. Джорджи говорила, что видела их, когда путешествовала с Векталом. Я должна радоваться, что нашла хоть что-то теплое на этой негостеприимной планете.

Берег ручья илистый, но пологий, и я соскальзываю к кромке воды. Запах серы здесь сильнее, но вода голубая и чистая. Может, мне стоит поплавать? Побег «бамбука» тут и там торчат из воды, как трехметровые зубочистки, и я тянусь к ближайшему, склонившись над голубой поверхностью воды. Вытащу один и посмотрю, насколько он прочен. Если он легкий, как я думаю, то из него может что-то выйти...

– ЛИЗ! – ревет знакомый голос, и я соскальзываю вниз, почти в самую воду.

Раахош. Из-за этого придурка я чуть не плюхнулась лицом в ручей.

– Черт тебя побери, ты можешь не орать, когда я стою у края воды? Я...

Я задыхаюсь, слова застревают в горле. С другого конца «бамбука» на меня уставилась жуткая морда с выпученными глазами и большими острыми зубами. Это существо напоминает одно из тех чудовищ с морских глубин, за исключением того, что оно находится всего в нескольких сантиметрах от моего лица.

Я кричу во все горло и отшатываюсь назад, сжимая свой «бамбук».

К моему шоку, существо появляется из воды на конце «бамбука». Оно бьется и мечется.

Я снова кричу и швыряю его в снег. Оно шипит и приближается, и я оглядываюсь в поисках копы Раахоша. Копье в нескольких шагах от меня, куда я, должно быть, его отбросила. Тем временем тварь извивается и шипит, шелкая пастью в моем направлении.

Краем глаза я замечаю что-то большое – Раахош крадется к существу с ножом в руке. Он выглядит взбешенным, когда хватает эту тварь за один из ее плавников и с силой ударяет о землю. Затем, с поразительной легкостью, вонзает нож ей в глаз.

Плавники существа судорожно бьются о снег, кровь струится из раны, а потом оно затихает. Пока я смотрю, вытаращив глаза, Раахош бросает нож на землю и направляется ко мне. Я отступаю на несколько шагов.

– Я не знала! Откуда я могла знать, что одно из этих существ прикреплено к концу «бамбука»? Все, чего я хотела, это найти подходящий материал!

Моя болтовня не заставляет его остановиться. Ну, разумеется. Он же не понимает ни слова. Объяснения бессмысленны.

Большой пришелец крадется ко мне, будто я его добыча. Я снова отшатываюсь, испуганная и немного возбужденная его жестким взглядом. Когда Раахош нависает надо мной, паразит начинает гудеть, а мои соски твердеют.

Гребаный паразит.

Пришелец смотрит на меня сверху вниз. Его ноздри раздуты, а глаза прищурены.

– Я не возбуждена, – убеждаю я себя дрожащим голосом, хотя чувствую, как кровь бешено пульсирует в венах, а паразит мурчит в груди. Из меня никудышная лгунья. Я ничего не хочу так сильно, как сунуть руку себе между ног и поласкать клитор. Может, дело в адре-

налине. Или в том, как он на меня смотрит – будто пытается решить, сорвать с меня одежду или положить на живот и отшлепать. Оба мысленных образа сводят меня с ума.

Что бы это ни было, мое тело остро реагирует, а паразит сходит с ума. Я сижу в снегу, тяжело дыша, и мгновение спустя понимаю, что мои ноги раздвинуты.

Я смотрю, как раздуваются его ноздри. Тихий стон вырывается из моей груди. Ну почему это так чертовски сексуально? Боже, ненавижу этого паразита!

– Лиз, – рычит он мое имя.

– Я не хочу тебя, – задыхаюсь я, а паразит мурчит так громко, что практически заглушает меня. – Не верь моему паразиту.

Он протягивает свою большую руку, чтобы помочь подняться.

Я отталкиваю ее, раздраженная на Раахоша и на себя за то, что так возбуждена после того, как меня чуть не съел Ктулху на палочке.

– Уйди.

Разозлившись, он наклоняется и хватается меня за ворот. Я понимаю, что он собирается силком поднять меня на ноги, раз я отказываюсь от его помощи, но в тот момент, когда его лицо оказывается рядом с моим, я теряю контроль над собой. Одной рукой хватаюсь за его рог, второй цепляюсь за сломанный обрубок и притягиваю его лицо к себе для поцелуя. Я уверена, что позже пожалею об этом, но прямо сейчас во мне играют гормоны, а тело отчаянно желает ощутить вкус его губ. Я слышу тихий вздох удивления, когда беру его нижнюю губу зубами и нежно покусываю.

Издав хриплый стон, Раахош прижимается своим губами к моим.

Очевидно, парень понятия не имеет, как целоваться. Все в порядке – мой паразит мурчит так сильно, что я не смогла бы остановиться, даже если бы захотела. Я тихо постанываю и показываю ему, как нужно целоваться. Мои губы ласкают его, медленно и чувственно. Он замирает надо мной, боясь пошевелиться. Его большие руки на моей талии. Я пытаюсь растормошить его своими поцелуями.

– Вот как нужно целоваться, здоровяк, – бормочу я, лаская губам жесткую линию его рта.

Требуется время, чтобы заставить его приоткрыть рот и впустить меня. Провожу языком по его губам и, задев клыки, вспоминаю, что он пришелец. Я вздрагиваю и отстраняюсь.

И тогда Раахош целует меня в ответ. Сперва нерешительные, его движения становятся все более смелыми, и когда мой язык встречается с его, я тихонько постанываю от удовольствия. На его языке есть бугорки, похожие на гребни, покрывающие его тело. Он скользит ими по моему языку, рождая во мне невероятные ощущения. О, да! Джорджи ничего не говорила об этом. Она совсем не затрагивала эту тему. Интересно, есть ли у него такие же чудо-гребни в других интересных местах?

Раахош быстро научился целоваться, и теперь ласкает меня до смерти губами и языком, пока мой паразит не начинает гудеть так громко, что я едва могу соображать, а мое тело вибрирует от желания. Моя киска изнывает от потребности, и на мгновение кажется, что я могу умереть, если он не прикоснется к ней прямо сейчас. Я отрываюсь от него, тяжело дыша.

Раахош тут же захватывает мои губы своими. Его язык скользит с безмолвным вопросом.

– Я не хочу этого, – выдыхаю я, хватая его за рога и снова прижимаясь к его губам. Мои стоны наслаждения поглощаются им, так и не вырвавшись наружу, и я обхватываю его ногами за талию, чувствуя, как он напрягается от удивления.

– Я совершенно не хочу, чтобы ты ласкал меня языком, – шиплю я, а затем продолжаю целовать его взасос, как дикарка.

Раахош отрывается и смотрит на меня. Я читаю в его взгляде такое же необузданное желание, как и мое. Он наклоняется и захватывает мои губы в еще одном горячем поцелуе, и я почти теряю рассудок, когда он посасывает мою верхнюю губу. Этот пришелец быстро учится. Возможно, слишком быстро. Я чувствую, что теряю контроль над ситуацией.

Как будто я когда-либо ее контролировала.

Я снова отстраняюсь и кладу его руку на свою грудь.

– Я не хочу, чтобы ты это трогал, – заявляю я решительно и слегка сердито. Если честно, я зла так же сильно, как и возбуждена. Не уверена, дело во мне или в паразите, но я знаю, что не могу остановиться. И когда он сжимает мою грудь через плотную ткань туники, я откидываю голову назад и стою, а мои бедра начинают покачиваться.

Он так *сильно* мне нужен. Такое ощущение, что мое тело спало до этого момента, а теперь, когда он касается меня, я чувствую, что живу. Мои чувства пробудились, мое тело поет...

И мне нужен секс, как воздух.

Он касается моего соска через тунику, и у меня перехватывает дыхание. Это не должно быть так приятно. Не должно. И все же я хочу большего. Раахош рычит, обнажая зубы, и я задыхаюсь при виде острых клыков. Я, должно быть, больна на всю голову, потому что они тоже меня возбуждают.

– Я не хочу, чтобы ты лизал мою киску, – бормочу я, направляя его голову ниже, чтобы подчеркнуть, чего именно я «не хочу». Все в порядке, это бред сумасшедшего. – Я вообще не хочу, чтобы ты ласкал меня языком, – шепчу я, пока одной рукой стягиваю недавно сшитые штаны.

Несмотря на то, что он не может понять мои слова, он понимает намек и тянется к штанам, стягивая их до колен. Он бросает на меня горячий взгляд, от которого я таю, и мои твердые соски, кажется, пребывают в агонии под туникой. Они умоляют, чтобы к ним прикоснулись, поэтому я просовываю руку и поигрываю с ними. Мой паразит гудит так сильно, что все тело вибрирует и изнывает от желания.

Штаны застревают у меня на коленях, и Раахош продолжает разочарованно дергать за них. Затем, ухватившись за ткань, он вытягивает мои ноги вперед, прижимая к моей груди. Я оказываюсь в снегу с голой задницей.

В плену своих собственных штанов.

Я делаю глубокий вдох и жду.

Раахош пристально изучает мое тело, особенно розовую влажную киску, которая сейчас изнывает от желания. Он смотрит на меня, прищурив сияющие голубые глаза, и я не представляю, о чем он думает. Затем я чувствую, как он касается меня. Его пальцы, исследуя, скользят по чувствительным складкам киски.

Я едва не плачу от силы этих ощущений. Мое дыхание прерывисто, а из груди вырывается жалобный стон. Я хочу большего, чем просто прикосновение. Я хочу, нет, жажду ощутить его губы на себе.

– Я не хочу, чтобы ты ласкал меня языком, – выдыхаю я, выгибаясь вперед, чтобы он мог получше рассмотреть мои прелести. – Вовсе нет.

Раахош не обращает внимания на мою ложь и долго изучает меня. Я наблюдаю, как раздуваются его ноздри, и он снова проводит пальцем по складкам киски. Я вскрикиваю и прижимаюсь к его руке, и когда он убирает ее, та блестит от соков. Он изучает свою влажную руку, а затем подносит ко рту, чтобы попробовать на вкус.

– О, черт, это так грязно. Ты такой порочный, – шепчу я так сексуально и возбужденно, как никогда раньше.

Он облизывает свои пальцы почти с благоговейным выражением лица, как будто я на вкус лучше самого отменного шоколада. Вид того, как его восхитительный, большой, шершавый язык скользит по пальцам, вылизывая их дочиста, заставляет дрожать от вожделения. Я схожу с ума, смотря, как он лижет свою руку. Он должен облизывать меня, а не ее.

Стой, так не должно быть.

– Я совершенно этого не хочу, – шиплю я, злясь на Раахоша и на себя за то, что тело так сильно в нем нуждается. – Я не хочу тебя. Я не хочу, чтобы ты касался языком моей киски и вылизывал ее, пока я не кончу. – Даже мысль об этом заставляет меня содрогнуться, настолько реалистичен образ.

Ну, и поскольку я совсем этого *не хочу*, я просовываю руку между ног и раздвигаю складки киски, чтобы он увидел.

Я замечаю, как его глаза вспыхивают от желания, а затем он просовывает голову между моих ног. Я чувствую, как его большие руки обхватывают бедра и раздвигают ноги, а самодельные швы на штанах натягиваются. Но мне плевать. Раахош еще сильнее раздвигает мои ноги и пристально смотрит на мокрую, скользкую киску. Я чувствую жар возбуждения и болезненную потребность в сексе. Я уже решаю прикоснуться к себе, когда он отстраняет мою руку, и проводит языком по моей плоти.

Пронзительный стон срывается с моих губ.

О, Боже!

Я хватаю его за рог и обрубок и прижимаю лицом к разгоряченной коже. Я схожу с ума от нетерпения, и когда его язык (Боже, благослови его шершавый, бугристый язык) скользит по мне, снова издаю стон. Двигаю бедрами вверх и вниз, пока он рычит и вылизывает меня. Его желание такое же сильное, как и мое. Он проникает языком повсюду, облизывая и лаская самые нежные части тела, и я чувствую, как его язык скользит по клитору, а затем Раахош утыкается в него носом.

Утыкается в мой клитор носом.

Я кончаю так сильно, что вижу звезды. Мой крик разлетается по заснеженной долине. Я трусь киской о его лицо, отдавая ему свой оргазм до последней капли. Кажется, он не возражает против того, что я использую его рога как руль, направляя его рот туда, где он особенно нужен. Раахош готов исполнить любую просьбу и лизать меня до беспамятства. Я продолжаю кончать с каждым новым движением его языка, пока второй оргазм не накрывает меня так, что я извиваюсь, забрызгивая соками все его лицо.

Наконец, обессилевши, я падаю в снег и тяжело дышу. Мой паразит еще немного гудит, а затем, успокоившись, переходит на мягкое мурчание.

В это время паразит Раахоша вибрирует как мотор, и когда тот снова лижет меня, я отталкиваю его голову, потому что сейчас слишком чувствительна для еще одного раунда.

– Не сейчас, – капризничаю я. – Я не могу.

Он смотрит на меня с диким выражением лица. Его глаза неистово горят. Жесткие, сексуальные губы блестят от моих соков, и пока я смотрю, он обнажает клыки и окидывает меня таким взглядом, от которого мои соски снова твердеют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.